

ТАКАЯ РАЗНАЯ

ФАНТАСТИКА—4

І ЧАСТЬ

ДТС „Помощь“

КОНТАКТ

— Ну вот, пожалуй все, — закончил наконец командор Мак-Аллистер.

Он нажал на белый выключатель, и большая космическая карта начала бледнеть, изображение стало быстро расплываться, и наконец экран погас, ничем не отличаясь от остальных стен зала совещаний. Они находились здесь уже больше часа. Перри, командор и этот третий, который с самого начала беседы сидел на одном из неудобных, слишком жестких кресел, когда-то кем-то спроектированных, почти для всех помещений Гэлэктик-Нэйви — сидел неподвижно, повернувшись к Перри своим левым боком, не поворачивая лица, и все время молчал, как будто его здесь вообще не было. МакАллистер прикоснулся к другому переключателю, и яркий свет, от не дающих тени излучателей, заиграл на стенах, покрытых звукоизоляционной фольгой. С минуту изучающе смотрел на Перри. Затем спросил:

— Вам все понятно, капитан Карей?

Перри зашевелился в своем кресле. У него онемели ноги, в спину вдавливались алюминиевые поручни...

— Так точно, — коротко подтвердил.

— Дальнейшие инструкции Вы получите на старте, а до той минуты Вам вполне хватит той информации, которую слышали здесь.

— Понимаю.

Командор сошел с возвышения, остановился перед Перри, непроизвольно встав по классической стойке «вольно».

— Это задание выполняется Нэйви совместно с Центральным Управлением Космических исследований. Поэтому было решено, что экипаж «Редберда» состоит из представителей этих двух учреждений. Вы и работник Центрального Управления.

Только сейчас, тот, который все время сидел возле стены, медленно повернул голову. Перри увидел смуглое и худое лицо, но интеллигентное, тщательно выбритое, красивое. Черные брови, слегка сросшиеся над переносицей, серые глаза, у которых радужные оболочки выглядели так, словно они были сделаны из осколков различных металлов — матовых и серебристых, перемешанных и спрессованных друг с другом. Не без зависти подумал: «Наверное девчонки от него без ума». Мужчина встал. Он был строен и хорошо сложен, что еще особенно хорошо подчеркивала его одежда

из черной искусственной кожи и на пол-головы выше Перри. Улыбнулся, у него были белые, ровные и очень красивые зубы.

— Вы, наверное, не знакомы, — сказал МакАллистер. — Майор Торнтон из Центрального Управления Космических исследований... Карей, капитан флота дальнего охвата космического пространства.

Торнтон протянул руку. Перри, чувствуя ее короткое и сильное пожатие, подумал: «Могло быть хуже. Кажется, это неплохой парень». Майор сказал низким, густым и звонким голосом:

Мне очень приятно.

Он вновь улыбнулся и Перри заметил, что улыбка совершенно не меняет выражения его глаз, взгляд как и до этого был сосредоточенный и внимательный. Они внимательно приглядывались друг к другу, стараясь взаимно оценить друг друга, оценить за одну минуту как можно более полное человека, чье присутствие каждый из них вынужден будет терпеть в течение четырех лет полета, если не считать разделяющих их периодов гипернатии в тесном пространстве летящего сквозь пустоту разведывательного звездолета. И именно тогда Торнтон сделал какое-то малозаметное движение, развернувшись на пол-оборота в сторону молчаливо к ним приглядывающегося командора. Перри заметил на его правом плече зеленый треугольник Караульного, слишком поздно стараясь сдержать резкий порыв несприязни и изумления, это какое-то произвольное возмущение, какое всегда появлялось у всех людей, когда происходила неожиданная встреча с любим из них.

Ему удалось удержаться от того, чтобы хотя бы на шаг отступить или сделать какой-нибудь выразительный жест, что было бы проявлением этого пугливого отвращения. Но то, что он чувствовал, видимо, внешне было сильно заметно, потому что тот заметил. Ничего не изменило выражения худого, спокойного, очень красивого лица, но Перри узнал по его глазам (хотя собственно выражение их также не изменилось), что Торнтон заметил какое впечатление он произвел. Но он умел владеть собой почти совершенным образом, либо же он уже просто привык к реакции, которую вызывал знак, который он носил, потому что остался спокоен. Вежливо улыбающийся, спокойный, произнес тем же самым, что и раньше, тоном:

— Я много слышал о Вас и о спасательной операции по Альмагесту. Никто тогда не верил, что его удастся найти и спасти команду.

В его словах не было и тени лести, серьезный тон исключал возможность подозревать, что это просто любезный комплимент.

Торнтон попросту информировал о том, что ему известно, выражая свое признание в этой бесстрастной форме. Перри должен был бы ответить каким-то образом взаимностью, но нужные слова ему не приходили в голову, он никогда не слышал о майоре Торнтоне, как впрочем и о любом работнике Центрального Управления. Наверное, о них никто не слышал. О них ничего не известно, они настолько анонимны, как-будто вообще не существуют. Даже пресса, которой иногда удавалось откопать информацию о темах проводимых там исследований, никогда не сообщала их имен. Перри подозревал, что те сообщения были приготовлены к публикации самим Центром, именно в той форме, которая лишена какой-либо сенсационности и лаконична. Он стоял неподвижно, неловко и молчал, злясь на самого себя именно за эту неловкость. К счастью МакАллистер поспешил ему на помощь:

— Осталось оговорить еще одно дело, которое я оставил на конец. Решено предоставить вам право выбрать, кто из вас — Вы, майор, или капитан Карей будете называться руководителем экспедиции. Вы же понимаете: ни Гэлэктик-Нэйви, ни Главный Центр не хотели бы выражать свое мнение по этому поводу, что бы не создалось впечатление, что какое-либо из них навязывает кандидатуру своего представителя. Разрешение этого вопроса зависит, следовательно, от вас.

Это было удивительно. Перри за всю свою жизнь не слышал ни об одном подобном случае решения подобных вопросов. И вновь Торнтон оказался на высоте. Он решительно сказал:

— Абсолютно ясно, что им может быть только капитан Карей. У меня нет достаточного опыта в полетах на космолетах, летающих на далекие расстояния, в межзвездных полетах я налетал всего семь целых и три десятых парсека...

Командор кивнул головой.

— Вот теперь уж действительно все. Я сказал все, что должен был вам сказать. Мы встречаемся послезавтра в Центре Космической Медицины, ну, а сейчас я должен с вами попрощаться. Прошу меня простить, у меня очень много дел...

Со своей достойной, немного уже старомодной галантностью, которая напомнила Перри семидесятые годы предыдущего столетия, проводил их до дверей зала. Встав в дверях, поспешно сказал, словно скорее хотел закончить со всем этим делом:

— Согласно с правилами у вас капитан есть право отказать... Вы можете отказаться, сообщив мне об этом в течение двадцати четырех часов, если... если какой-либо из элементов экспедиции посчитаете излишне рискованным... или же слишком тяжелым». — Он не смотрел на Торнтон, стараясь не смотреть на

этот черно-зеленый треугольник на черной коже рукава, что ему и удавалось сделать. — «Пожалуйста, еще раз подумайте. Если же Вы откажетесь, то все равно, все будет нормально, Карей...» — И вдруг, неожиданно тепло: — «Я буду здесь ждать, в Нэйви, твоего решения, Перри...».

— Благодарю, но я не воспользуюсь этим. — Глядя на уставшее, худое с заметными морщинками лицо, подумал: «Я его моложе, наверное раза в два, хотя и родился значительно раньше его». — Я ни разу не воспользовался этим положением. Это можно проверить по моим рапортам, господин командор. И у меня никогда не возникала потребность в этих двадцати четырех часах. Я уже принял решение один раз тогда, когда избрал профессию пилота межзвездных судов.

«Только никогда еще не было навязано такого спутника». — ожесточенно подумал он, с тем же, что и раньше, отвращением, неприязнью или недоверием, которые он не мог перебороть. Теперь он также не смотрел на Торнтона, все время чувствуя, что тот это замечает, — слишком умный, чтобы не понимать всех этих недомолвок. Командор МакАллистер все еще неподвижно стоял, и у Перри создалось впечатление, что его скупая улыбка означает ровным счетом то же самое, что если он как-будто бы сказал: «Держись, парень. Бывало и хуже». А затем двери беззвучно закрылись, и он остался наедине в светлом коридоре с человеком, который не только был работником Главного Центра Космических исследований (многие годы существовали проблемы между тем учреждением и его собственным Гэлэктик-Нэйви), но к тому же Стражником. Он почувствовал себя абсолютно беспомощным, даже не знал, о чем с ним мог бы поговорить.

Торнтон, своими серыми глазами, приглядывался к нему не вызывающе, а просто внимательно и осторожно (все время создавалось впечатление, что он человек, который ни на минуту не перестает себя контролировать, постоянно напряжен, несмотря на мнимое спокойствие, готовый ко всему). Он потянулся к верхнему карману куртки, расстегнул замок «молнию» и достал пачку сигарет. Приглашающим жестом он протянул ее Перри.

— Благодарю, я не курю, — сказал Перри, необычайно удивленный. С того момента, когда была создана противораковая сыворотка, многие люди курили, но среди них никогда не было тех, которые хотя и редко, но принимали участие в полетах: — Я даже не пробовал. Трудно же потом от этого отказаться, когда человек к этому привыкает... Смотрел как тот, уже с сигаретой в губах, наклоняет голову над небольшой зажигалкой, шурит глаза, глу-

боко затягивается. Видно было, что это ему доставляет удовольствие. — А Вы... как Вы обходитесь с этим в космосе?

— Я могу в любую минуту бросить курить, если я этого захочу.

— И Вам не тяжело?

— Нет.

Он оперся плечом на стену и продолжал курить, спокойно, не спеша. Не похоже было, что у него возникло намерение отсюда куда-нибудь уйти, по крайней мере до тех пор, пока не докурит сигарету. Перри некоторое время колебался, не знал, то ли его ждать, то ли попрощаться с ним и уйти, когда заметил, что Торнтон вновь к нему присматривается с тем же самым вниманием, что и раньше, глядя на него сквозь синеватый столбик дыма. Когда поднимал руку, то зеленый треугольник бросался в глаза — он хорошо был различим на черной блестящей коже. «Сейчас он скажет, — вдруг подумал Перри. — Не будет больше ждать, делая вид, что ничего не заметил, как он это сделал при командоре. Скажет таким образом, что я буду спровоцирован. — Ну и что тут такого, что я Стражник? — А может: — Что Вы собственно знаете о Стражниках? — И я должен ему буду отвечать, а это нас заставит выяснить это дело, по поводу моего жеста? — гримасы? — либо взгляда, или того, что могло быть в ту минуту того, с чем я не мог совладать и что он заметил. Сейчас он скажет. Всякий бы так сделал, всякий бы предпочел все именно сейчас выяснить, в самом начале. Объясниться, чтобы покончить с этим делом и оставить весь этот разговор позади. И он того же хочет. Но Торнтон все молчал и курил. Дым в какой-то момент достиг его, Перри подавился им и закашлялся.

— Прошу прощения, — сказал Торнтон.

Он сделал три шага, разделяющие его от обозначенного плоской зеленой лампочкой утилизационного приемника и бросил окурок во внутрь приемника. Обернулся, ожидающе посмотрел. Он так стоял до тех пор, пока Перри не приблизился к нему, и только тогда он также пошел. Они шли рядом друг с другом в сторону выхода, слегка касаясь плечами.

«Ага, значит сейчас не будет никаких выяснений отношений», — подумал Перри. Посмотрел на спокойный профиль идущего рядом с ним Торнтона. Когда он на него смотрел, то его собственные мысли показались ему совершенно идиотскими. «Он не похож на человека, который что-либо и когда-либо хотел бы выяснять, а тем более оправдываться, — как вспышка озарения появилась мысль у Перри. — Значит он никогда ничего подобного не скажет, никогда не начнет разговора на эту тему. Даже больше — если и

его спрошу, он и от ответа уклонится, используя эту свою холодную вежливость, на которую человек наталкивается как на холодную стену. И, может быть, единственное, что он хочет от меня, это как и сейчас, чтобы я этого не замечал, промолчал, как не следует обращать внимание на чьи-то физические недостатки: или искривленного позвоночника, или укороченности одной ноги. Потому что он ничего ни от кого не ожидает и ему нет ни до кого дела, чтобы не иметь возможности перед кем-либо объясняться. Просто он хочет, чтобы его оставили в покое».

Лифтом на первом этаже обычно не пользуются. Они свернули на лестницу, широкую, мраморную, торжественно оформленную, но почти никогда неиспользуемую. На последней ступеньке Торнтон приостановился; выжидательно смотрел, и Перри поспешно протянул ему руку.

— Я пойду через космодром, — быстро сказал он, как бы оправдываясь.

Тот как-будто заколебался, прежде чем протянуть свою руку. Перри, ощущал во второй раз за этот день короткое и сильное пожатие, с неожиданным сожалением подумал: «Жаль, что он Стражник». Торнтон все еще чего то ждал. Наконец спросил:

— Никаких особых поручений, капитан?

Только сейчас подумал, что должен с ним поговорить, постараться его узнать, сблизиться каким-либо образом с человеком, с которым его соединила обязанность выполнить совместное задание. Но не мог — не сегодня, не сейчас. Поспешно сказал:

— В данный момент пока никаких, майор. — Он осознал, что сделал ошибку. Члены экипажей всегда обращались друг к другу на «ты» с первой же минуты знакомства. Как руководитель, он должен был обратиться так первым. Но опять, он также и к этому не был готов. И тогда добавил: — До встречи послезавтра, — стараясь говорить без каких-либо форм обращения.

Он прошел мимо стоящего без движения Торнтона и направился в сторону выхода, сдерживая свое желание ускорить шаги. С облегчением воспринял тихое шипение за своей спиной — звук дверей, закрываемых при помощи фотоэлементов после того, как он через них прошел. Приостановился, поднял голову и немного постоял, ощущая на лице, на закрытых веках тепло апрельского солнца. Дышал неглубоко и ровно, прислушиваясь к собственному дыханию, с удивлением обнаруживая дрожание напряженных мышц. Только сейчас это непрекращающееся дрожание его собственного тела позволило ему понять, насколько он был напряжен все это время с момента, когда он узнал, что ему придется иметь дело со Стражником.

«Это же чепуха», — подумал он, все еще неподвижно стоя и содрогаясь, как собака от холода. — Истерика, предубеждение, непонятный рефлекс — один из тех, который надо всегда побеждать. Не помогло, мышцы дрожали по-прежнему. Стиснув зубы, старался перебороть это состояние. Постепенно проходило. Подумал, что не должен был здесь стоять; в любую минуту Торнтон мог покинуть здание Нэйви, и тогда вновь придется терпеть его присутствие. Начал идти, глядя перед собой, на этот раз ускорая шаг. Обошел стоянку, на которой оставил свой виролет и, игнорируя двигающуюся без усталости ленту тротуара, свернул в противоположную сторону по направлению космического порта.

Ему необходимо было одиночество, чтобы все это хорошенько обдумать, разрешить эту ситуацию, разобраться с ней, чтобы она впоследствии не мешала переломить нарастающую неприязнь, которая в будущем может слишком дорого обойтись для них обоих и для «Редберда», так как одним из условий успеха, как и в любом из таких полетов, является полное взаимодействие членов экипажа. «Если мной овладеют предубеждения, — подумал он, — то в таком случае лучше было бы отказаться от полета. По крайней мере это было бы честной игрой».

Он старался найти причину своего отвращения, вспомнить все, что слышал о Стражниках. Но воспоминаний было немного. Правду говоря, даже значительно меньше, чем умолчаний на их счет. Люди инстинктивно отступали при виде зеленого треугольника и никто из них не старался этого обосновать. Перри стал понимать, что никогда еще он не слышал в адрес Стражников никаких конкретных обвинений, ничего, чтобы обосновать этот страх или отвращение. Были всего лишь сплетни, собственно никоим образом не подтвержденные и не проверенные.

Он вспомнил об одной сплетне, которая действительно могла вызвать беспокойство. Говорили, что треугольную нашивку носили те, которых когда-то приговорили к психической смерти. Древние преступники, люди, у которых изменили личность: после стирания в мозге прежнего сознания делали новую «запись», вкладывали совершенно другую индивидуальность, а прежняя «умирала» после стерилизации. Это, если было бы правдой, как-то могло объяснить недоверие и беспокойство. Объяснить, но не обосновать. Вновь созданный человек с прежним преступником ничего кроме физического сходства не имел. «Предположим, что тот период стерилизацией мог даже убить кого-нибудь, — думал он. — Но его сейчас уже нет, а этот, с кем мне приходится иметь дело, не только не помнит своего деяния, но был лишен психической предрасположенности, являющейся основой совершения этого деяния. Даже

если принять, что эта версия верна, то такой человек уже не может кому-то ни было угрожать, не представляет никакой опасности, во всяком случае он опасен не более чем кто-либо из шести миллиардов обычных людей, которым индивидуальность не меняли. Может это несколько необычно. Но не больше. Я сто пятьдесят, двести лет тому назад тоже мог бы вызывать у людей смятение. Тридцатидвухлетний парень, находящийся вне своего времени, человек, чье поколение давно уже вымерло. Да только к долговечности пилотов межзвездных кораблей человечество уже успело привыкнуть. И через сто или двести лет вряд ли кого будет шокировать человек, которому изменили личность. И если это все, что можно сказать в оправдание предубеждений против Стражников... «Да, это было все, во всяком случае он ничего более худшего о них не слышал, и его собственные предубеждения ему показались совершенно абсурдными. Он пожал плечами: Стражник Торнтон или нет — не его дело. Над тем, что может ли это иметь какое-то значение для их космической экспедиции, или может повлиять каким-то образом на выполнение задания, пусть ломают свои головы парни из Медицинского Центра, в конце концов это их дело, а не его, Перри. Капитан звездолета, наверное, сошел бы с ума, если бы захотел все проверить сам: людей и оборудование, которые переданы ему в распоряжение. Для этого специально приглашаются группы экспертов. «Я же только должен удержаться от каких-либо суждений. По крайней мере до той минуты, когда узнаю Торнтона настолько, что мои суждения будут иметь под собой основу. И уж тем более, я не должен идти на поводу у домыслов и опережать факты. Должна быть хоть какая-то объективность».

Он теперь жалел о том, что таким способом отделался от присутствия майора. Ведь мог же быть менее официальным, вести себя более свободно. «Ладно, — подумал он заканчивая с этим делом, — теперь этого уже не исправишь. Но я же с ним вновь встречу через два дня в Центре Космической Медицины...».

Два дня... Чуть не забыл, что у него осталось всего лишь столько времени. Правда, старт «Редберда» был назначен на конец августа, но с момента явки в Центр для прохождения подготовительных курсов он терял свободу, становясь членом экспедиции, подчиняющегося всем положениям и правилам точно так же, как и на борту звездолета. Он так часто через все это проходил, что сейчас уже знал; эти два дня просто бесценны.

* * *

За деревьями, окружающими комплекс строений Гэлэктик-Нэйви, начиналась поверхность посадочного поля, широкая как замерз-

шее озеро, покрытая огромными плитами, выдерживающими самые высокие температуры. Деревья создавали что-то типа дикого парка, создававшего впечатление первобытности. Перри неоднократно задумывался над тем, что руководило людьми, спроектировавшими этот дикий парк — чувство эстетики или же указания психоневрологов. Как бы то ни было, но парк являлся главной причиной большинства нарушений со стороны всех без исключения работников Нэйви, а особенно со стороны пилотов и космонавигаторов, а именно, строгого запрета прохода через космодром. Запрета разумного, если принять во внимание возможность причинения повреждения плитам стартующими космолетами и часто проводимые в этом районе монтажные работы. Впрочем, по объездной дороге курсировал виробус, на котором более удобно и, прежде всего, быстрее можно было попасть на территорию расположения порта.

Огляделся. С противоположной стороны подходил какой-то человек. Перри издали опознал серебристые нашивки пилотов Постоянной Зоны Юпитера. Даже если бы их не было, то все равно это можно было узнать по лицу: одутловатому, с характерно обвисшими мышцами — никому не удастся безнаказанно переносить в течение многих лет гравитационных перегрузок на Юпитере. Они не были знакомы, но тот улыбался ему, и Перри в качестве приветствия поднял руку, жестом таким же старым как и сами космические полеты.

— Хочешь этой дорогой пройти на космодром? — Приостановившись, пилот махнул рукой в ту сторону, откуда он пришел. Очень крепкого сложения, он, как показалось Перри, был смущен тем, что имеет такую крупную фигуру. Он слегка улыбался, глаза терялись в сетке мелких морщинок, нижняя губа еще больше открывала зубы в улыбке, чем это было минуту назад.

— Да, именно так я и намеревался поступить.

— Ну, тогда, парень, будь внимателен. Он говорил, обдумывая каждое слово, точно так же как и двигался, обдумывая каждое движение. Нахождение годами под влиянием большой силы тяжести, явилось причиной медлительности, постоянного внимания к каждому слову и движению. Он как-бы задумывался, действительно ли они так уж и необходимы. — Лучше всего сейчас сразу же сверну направо; в третьем секторе устроили какую-то чертову сортировочную всякого металлического хлама. Я там проходил и чуть себе лоб не расшиб — там куски железа разбросаны в радиусе километра.

— Порядок, буду внимателен. Спасибо.

Тот вновь улыбнулся и пошел дальше. Тяжелый, неуклюжий, состоящий из одних мышц,двигающийся с робкой осторожностью здесь, на поверхности планеты, на которой он родился, но от условий жизни на которой отвык настолько, что его собственный вес, почти в три раза меньший чем в Постоянной Зоне Юпитера, казался ему чем-то необычным и тревожным. Перри с минуту смотрел на уходящего. Подумал, что они все с этим сталкиваются, как пилоты межзвездных кораблей, так и кораблей летающих в солнечной системе, — они оказываются здесь чужими и неприспособленными, хотя каждый с этим сталкивается по-своему.

Глубоко вздохнул. Воздух был мягким и теплым как вода нагретая солнцем. Засунув руки в карманы, он начал быстро идти в сторону космодрома.

Вокруг никого не было и он, ускоряя шаг, вошел в плотную зелень парка. Его шаги вспугнули невидимого в траве дрозда. Птица резко взлетела вверх, черные перья под солнечными лучами сверкнули металлическим блеском. Перри обнаружил кустик с фиалками: лиловые головки спрятанные среди круглых листьев, присел, чтобы их рассмотреть с близкого расстояния. Вытянул руку, но сразу же ее отдернул; он с минуту так сидел, уперев ладони в колени. Пахло нагретой землей, по стеблю травы, которая выделялась своими размерами от других, путешествовал красный муравей. Он подумал, что только тот, кто видел замершие и скалистые или же кипящие лавой планеты иных систем, может оценить всю красоту Земли.

Дрозд снова засвистел и Перри улыбнулся. Поднялся, отряхивая брюки. Солнце пробивалось сквозь шатер листьев в виде маленьких дрожащих пятен — подумал, что когда он вернется снова, то уже может не застать не только этого парка, сонного оазиса зелени втиснутого между комплексом Гэлэктик-Нэйви и полем космодрома, но и самих зданий, и космического порта, которые убьют в связи с еще неизвестными, совершенно иными решениями урбанистических вопросов, в этой части города. Посмотрел на большое строение Нэйви, хорошо видимое сквозь тонкую завесу листьев, — ему было грустно, он уже ко всему этому привык. Впрочем не только к Нэйви. В последнее время летал на относительно небольшие расстояния: в двойную систему альфы Центавра, на Проксиму — и его отсутствие никогда не длилось более десяти земных лет. Это был слишком короткий период времени, чтобы могли произойти большие перемены. Он встречал тех же самых людей — только что они были немного постаревшими, тот же самый этап развития цивилизации с мелкими изменениями, касающимися моды, обычаев и техники. Постепенно начал считать первую

половину XXIII века своей эпохой, хотя родился намного раньше, в период первых полетов за солнечную систему.

Наклонился, сорвал стебель травы и медленно выпрямился. Сейчас он стоял неподвижно, стараясь дышать спокойно и глубоко. На этот раз полет будет длиться значительно дольше. Десяносто восемь земных лет только в одну сторону. По крайней мере так им сказал командор, а вся остальная информация будет сообщена непосредственно перед стартом, а пока это тайна. «Каких-то двадцать пять и три десятых парсека, — по привычке посчитал он. Следовательно примерно столько же как и до альфы Льва. До этой экспедиции была еще одна. Три года тому назад Орловский со Светловым стартовали к состоящей из трех планет системе Альдебарана, но у них всего двадцать один и одна десятая. парсека. А сейчас перемены произойдут более значительные чем тогда, когда я вернулся с Арктура. Более значительные, чем, когда-либо я видел».

Покусывая стебель травы, он снова начал идти вперед еще быстрее, чем он шел до этого — словно он от чего-то убегал. Ему не нравилось думать о том своем возвращении. Полет на Арктур был его третьим и самым длительным полетом из всех, которые были до настоящего полета: тридцать шесть световых лет, свыше восьмидесяти земных лет с момента старта до момента возвращения на Землю. Он знал что здесь увидит, однако ничего не мог с собой поделать — все на него свалилось неожиданно, все то, о чем его предупреждали, что входило в его расчеты, когда он делал выбор. Но только «знать» еще не значит то же самое, что и «узнать» — почувствовать, самому все пережить. В первый, но в последний раз, он был настолько сломлен, что плакал с отчаянием, несвойственным мужчинам, слушая как дочь его сестры — девяностолетняя, седая и чужая женщина, которую раньше знал только в качестве маленького ребенка, — говорит о смерти их всех: его отца, матери, обоих братьев, сестры, средней, наиболее близкой к нему по возрасту, с которой он лучше чем с другими находил общий язык. И о девушке тоже; той, первой, и одновременно последней, которую полюбил (потому что потом, в короткие перерывы между полетами, ему хватало времени только на пустые связи). Она тоже уже не жила; ее внуки были в том же самом возрасте, что и Перри. Он кусал руки в слепом отчаянии от того, что ему было жаль себя, а не тех уже не живущих, потому что им дано было прожить всю жизнь до конца, познавая и счастье и грусть, надежду и сомнение в той мере, в какой их может познать человек. Это только он стоял где-то на обочине всего этого: время текло по иному чем на Земле, и для пилота его кос-

мического корабля — даже если не подвергался гибернации. На звездолете, несущемся со световой скоростью проходят только три года, когда на Земле за это время проходит двадцать. И возвращение с более менее далекой звезды является также поворотом и на совершенно другую Землю: другие люди, неизвестные, чужие культура и техника, приспособления, от вида которых становишься беспомощным, не зная принципов их функционирования и не умея ими пользоваться. Но, впрочем, это не было самым главным — отсутствие знаний быстро можно было ликвидировать несколькими сеансами телегипноза. Главным было отчуждение от человеческого общества, приводящее к тому, что каждый из них чувствовал себя на Земле таким же потеряннным, как в межгалактическом пространстве, и в равной степени одиноким и лишним.

Только в начале службы, пока полеты происходят на небольшие расстояния — не дальше трех парсеков — можно попрощаться перед стартом и встречаться после возвращения со своими друзьями. Возвращаешься после нескольких земных лет и видишь их уже постаревшими — хотя трудно к этому привыкнуть, принять все как есть, однако ничего не поделаешь. А потом и их уж нет: собственное поколение вымерло, между полетами недостаточно времени, чтобы завязать что-то так ненадежное как дружбу, а, впрочем, человек отказывается от попытки это сделать, зная, что не сможет ее сохранить и удержать. Именно это входит в цену его профессии: одиночество, пресловутое одиночество пилотов, летающих на далекие расстояния, оказавшихся в одиночестве не только во время своих полетов но межзвездному пространству (вынужденное присутствие другого пилота скорее создавало напряжение, чем дружбу), но еще более одиноких на Земле, а это значит, обреченных на одиночество всегда и везде.

Это было самым тяжелым из всего, к чему должен был привыкнуть пилот кораблей, летающих на границы системы. Реальная цена профессии. И выбирая эту профессию, необходимо было с этим согласиться, принять это, а затем — все это вытерпеть, хотя это уже было сложнее.

Временами эти пилоты совершали то, что было не по силам людям, которые тоже были людьми, летая на планеты Индейца, Ригель и Вега, альфу Малого Пса, Формальгаут и эту Еридана, тау Кита, Альтаир и Арктур, в системы звезд, отдаленных от Солнца десятками световых лет. Однако, только очень немногие из них сходили и возвращались с этой один раз выбранной дороги. Примирялись с одиночеством, пустотой межзвездного пространства, риском, со странной жизнью, которая их ставит на периферию человеческого общества. Примирялись, даже не обладая тем созна-

нием, которое поддерживало пилотов, летающих в пределах системы: то, что они делают, необходимо для существования Земли, как необходимы для человечества урановые руды из Постоянной Зоны Юпитера, высококалорийные марсианские белки или поддержание связи с колониями на Луне и Венере. И, вероятно, ни один из них — точно так же, как Перри, в настоящий момент — не смог бы объяснить и обосновать свое решение.

Он бросил обгрызанный стебель травы, приостановился; дошел до конца парка. Перед ним был космодром. Последние, редко стоящие деревья не закрывали вида. На расстоянии каких-то двух километров увидел на фоне неба стройный, высокий силуэт космолета. Он вдруг забыл обо всем, почувствовал горячий всплеск радости, нетерпеливой, неожиданной — он вышел прямо на док «Редберда».

Он его осматривал уже два раза, но на этот раз он смотрел на него совсем по-другому — это был уже его корабль. Он начал быстро идти, почти бежать. Услышал какой-то грохот, но не обратил на него внимания — между ним и южным доком, где проходил последнюю проверку перед своим длительным путешествием «Редберд», немного вправо, возвышались ангары небольших патрульных ракет, как всегда там, видимо, проводились ремонтные работы. Быстро шагая, он начал повторять про себя все то, что знал о специальных разведывательных ракетах типа Г-У111, наиболее современных космолетах для дальних полетов. «Редберд» был третьим, перед ним были построены два прототипа, используемые для испытательных полетов. «Стоило бы встретиться с Риберой, — подумал он. — Он был в числе тех первых испытателей, мог бы рассказать о некоторых особенностях, знание о которых потом могло бы пригодиться. Сегодня же я закажу с ним видео».

На этот раз продолжительный грохот его задержал — он приостановился, немного удивившись. Перри находился вблизи ангаров. В шаге от себя он увидел железобетонный столб с красной тройкой, нарисованной яркой, фосфоризирующей краской. Сейчас уже слишком поздно, он вспомнил о предостережении пилота из Постоянной Зоны Юпитера: он был в самом центре третьего сектора, где происходила автоматическая выборка космического люма.

«Вот черт», — подумал Перри. В нескольких стах метрах от него электроавтоматы демонтировали в настоящий момент небольшой патрульный корабль класса ЛЕО-8 или 9, — они были настолько друг на друга похожи, что их было очень сложно отличить, только лишь по форме корпуса. Демонтируемый корабль накре-

нился в сторону, его нос был под углом направлен вверх. В искаленном, удивительно беспомощном силуэте космолета было что-то жалкое: он напоминал подстреленную птицу, которая беспомощно взмахивает своими крыльями, которые ее не могут поднять, и, наклонив голову, печально смотрит на небо, будучи не в состоянии понять причину невозможности осуществления полета. Корпус уже не блестел на солнце — тысячи часов работы покрыли его поверхность чернотой нагара, автомат овальной формы, ползающий вдоль остова корабля, контрастировал на фоне корпуса, создавая впечатление, что он сильнее блестит, чем это было на самом деле, напоминая стекающую лениво приплюснутую каплю ртути. А затем грохот, который минуту назад ошарашил Перри, вновь повторился. Автомат прошелся по остову ослепляющей иглой фиолетового блеска, и отрезанный лист железа, пролетев вблизи, рухнул на землю с грохотом взрывающейся скалы.

«Сейчас и мне достанется» — подумал Перри. Он начал отступать, не спуская взгляда с остова корабля. Из-за искореженного края космолета выполз еще один, меньшего размера автомат. Видимо другие что-то демонтировали внутри, потому что ЛЕО дрожал от сотрясений, словно собираясь разлететься на части. Расстояние было небольшим — в любую минуту какая-нибудь часть демонтируемого корабля могла рухнуть на Перри. Автоматы не собирались прерывать работу, видимо им в программу не был вложен пароль: «Внимание, человек» — теоретически в этом районе никто не должен болтаться, к этому обязывал очень четкий запрет.

«Ну и влез же я», — подумал он. Была какая-то холодная ярость, злость на самого себя за глупую невнимательность, пренебрежение предостережением, задумчивость, наконец, за эту смешную сентиментальность, которой поддался, шагая вперед, ни на что не обращая внимания, погрузившись, исключительно, в свои размышления. — «Как самый последний идиот!» — Это ему немного помогло, он перестал злиться на собственное легкомыслие, медленно отходил назад, стараясь внимательно следить за все больше и больше разваливающимся патрульным кораблем. Со страшным свистом броневого лист снова пролетел у него над головой и зарылся в землю на добрых полметра. «Если бы это на меня с такой же силой рухнуло...» — предпочел не рисовать этого в своем воображении слишком подробно. Он достиг уже почти границы сектора, когда вдруг корабль словно взорвался; воздух загудел — половина носа корабля, срезанная лазером автомата, рухнула вниз с высоты десятиэтажного дома. Он потерял голову: начал колебаться, вместо того, чтобы тотчас же отпрыгнуть. «Не успею», —

мелькнула у него мысль; многотонная железная масса падала прямо на него. В эту самую минуту почувствовал сильный рывок. Его развернуло. Он бы упал, если бы не то, что его тряхнуло с такой силой, мощно бы не поддержало. Огромный кусок железного лома врезался именно в то место, где секунду назад он стоял, осыпая его песком и дерном.

Словно, только это и было главным, грохот разрезаемой брони прекратился, автомат переполз на другую сторону остова — тот маленький тоже куда-то пропал. В тишине, такой неожиданной после этого бешеного грохота, Перри слышал учащенный стук своего сердца; мышцы дрожали, ноги были словно сделаны из ваты. «Одно только мокрое место от меня бы осталось», — подумал он. Страх, для которого до этого не было времени, теперь подполз к горлу. Он глубоко вздохнул, раз, другой — только на шее он чувствовал мелкие, все более и более слабеющие покалывания. Он более или менее взял себя в руки и — уже почти совершенно спокойный, только чувствуя всей поверхностью своей кожи как испаряется пот — обернулся, чтобы посмотреть, что его оттащило с такой силой в последний момент (плечо у него немного онемело от резкого рывка). От удивления он оцепенел: в двух шагах от него стоял высокий, стройный, в этом своем черном костюме из блестящей кожи, Торнтон.

— Я тоже шел через космодром, — сказал он.

Это было объяснением его неожиданного присутствия — не больше; равнодушный тон создавал впечатление, что в его словах нет упреков. Он стоял неподвижный и чуткий — не сделал никакого жеста, не пытался улыбнуться, абсолютно равнодушный. «Словно ничего не произошло», — подумал Перри, стыдясь своего недавнего испуга, видя это спокойствие. Торнтон повернул голову, вынул из кармана куртки пачку с сигаретами и Перри почувствовал к нему благодарность не только за оказанную помощь, но также и за то, что Торнтон перестал к нему присматриваться.

Закурив, поднял голову и улыбнулся той своей быстрой, ослепительной улыбкой, которая не изменяла у него выражения глаз. «Он даже не ждет с моей стороны благодарности», — удивился Перри. — А ведь если бы не он...». Он не знал с чего начать, недоставало слов. Но это не было самым худшим; ему тяжело было сознавать, что он до этой минуты делал все, чтобы его оттолкнуть от себя, удержать того от себя на определенной дистанции. «Хотя я там, на лестнице в здании Гэлэктик-Нэйви, повел себя идиотски, следовало бы его спросить, в какую сторону он намеревался пойти...».

Молчание становилось неловким, и он решил сказать всё что угодно, лишь бы его разорвать.

— Вас тоже могло зацепить,

— Не думаю. — Вновь блеснули зубы, и снова серые внимательные глаза остались холодными. Больше ни слова не произнес, курил и молчал. Перри был ему благодарен за эту сдержанность. Совершенно другим тоном, почти сердечно, сказал:

— Спасибо. Если бы не Вы... Я попался бы как дурак...

— Мелочи, не о чем говорить.

«Стражник... — подумал Перри, глядя на зеленый треугольник, различимый на рукаве поднимающей сигарету руки. — Что это собственно означает? Этим названием определяли три, четыре века тому назад людей, заданием которых было что-то сторожить, кого-то защищать. Сторожить? Что именно? От кого?», — но не было времени, чтобы над этим задуматься. Попытался во второй раз что-нибудь сказать, что могло бы изменить эту немного натянутую обстановку, которая была между ними и в которой был сам виноват:

— Если бы не Вы, то я оказался бы в Медицинском Центре немного раньше, чем это было предусмотрено, и по иной причине...

— На моем месте, капитан Карей, Вы сделали бы то же самое.

«Да, не так уж это легко», — подумал Перри, удивляясь с легкой завистью и вглядываясь в это лицо: невозмутимое и вежливо равнодушное, зная уже, что, что бы и когда бы не случилось, Горнтон не только не сделает первым шага, но более того, он и ему его не облегчит; он не будет пытаться уменьшить дистанцию между ними, переступать определенные границы, приспособляться к предназначенной ему роли. «И даже не для того, что дать мне что-либо понять. Он сам по себе просто твердый, слишком твердый, чтобы признаться — хотя бы перед самим собой — в том, что ему кто-то может оказаться необходимым». В его сдержанности даже не проявлялось ожидание инициативных действий со стороны Перри. «Не пассивный, а только чертовски гордый, слишком гордый, чтобы даже перенести хотя бы мысль, что он кому-то навязывается, что то, что он сделает или скажет, можно именно так понять. И если кто-то из нас должен изменить наши отношения, то им должен быть я».

Стараясь, чтобы это выглядело как можно проще, он сказал наконец то, что — по-нормальному — он должен был сказать час назад, тогда, когда МакАллистер представлял ему майора:

— Знакомые меня называют просто Перри.

Если выражение глаз можно было бы назвать улыбкой, то Торнтон только сейчас по настоящему улыбнулся. Он сказал без колебаний:

— А меня Торнтон.

«Черт возьми, у него же есть наверное какое-то имя», — сжался в душе Перри. Но не спросил; если тот предпочитает, чтобы к нему обращались по фамилии, то в конце концов, это его личное дело.

— О'кей, Торнтон, — почти весело произнес он. — У меня есть предложение, — он говорил обдуманно, подбирая каждое слово, чтобы не задеть дикой гордости того, сильно запоздавшим приглашением, — раз мы и так идем в одну и ту же сторону, то мы можем вместе пообедать. Если, конечно, у тебя нет других планов.

Эту короткую минуту нельзя было собственно назвать ни задержкой, ни колебанием — а, однако, у него было впечатление, что Торнтон заколебался. Но, наверное, ошибался, потому что тот ответил сразу же, без промедлений, с непринужденной свободой, которой Перри мог бы позавидовать:

— С удовольствием. Только у тебя кажется какие-то дела, то может быть в другой раз...

— Эти дела потерпят. — Он же никуда не торопился, только сейчас он просто не мог в этом признаться, тем более, что до этого попрощался с Торнтоном слишком быстро. — Сейчас у меня нет таких дел, которые бы нельзя было отложить на завтра.

— Однако... Я не хотел бы ломать все твои планы.

Перехватил его взгляд — внимательный, оценивающий. Словно бы Торнтон говорил ему насмешливо: «Не торопись. Подумай еще хорошенько. Чтобы ты потом не жалел о том, что я принял приглашение, и люди тебя увидят вместе со Стражником». Перри был почти уверен, что тот именно так и думает. И, устыдившись того, что его так быстро и так безошибочно расшифровали, сказал с большим, чем следовало ожидать, нажимом:

— Правда, Торнтон, эти мои дела могут подождать.

Он почти уже настаивал — тот слегка приподнял бровь, и Перри впервые увидел, что он чему-то удивляется. Понял, что Торнтон, давая уклончивые ответы, предоставлял возможность отказать от спонтанного, не продуманного до конца, по его мнению, и опрометчивого предложения. А сейчас он удивляется тому, что он этой возможностью не воспользовался.

Просительно добавил, чтобы это выглядело бы убедительно, хотя и не был уверен, что, именно, так все выглядит:

— Мне будет очень приятно, если не откажешь.

Торнтон приглядывался к нему с каким-то сосредоточенным вниманием. Наконец произнес, словно не было только что минуты молчания и этого, может немного излишне пристального, рассматривания:

— Я действительно, охотно с тобой пообедаю, Перри.

II

— Все в порядке, Карей?

Радиоприемник искажал голос командора. Перри сделал движение головой, осторожно ее повернул, справляясь с пружинистым сопротивлением шейного манжета, давлением ремней и жесткостью компенсационного костюма. Посмотрел на Торнтона — тот также был неподвижен как и он сам, сидел полулежа в пневматическом кресле, отделенным от Перри небольшим расстоянием и прозрачной занавеской, точно также пристегнутый ремнями и скованный скафандром, неподвижный и одеревеневший как огромный жук. Через двойную прозрачную преграду полукруглой защиты шлема и той прозрачной занавеской увидел его глаза, как обычно, не выражающие никаких чувств. Торнтон начал шевелить губами. Не слыша его голоса, только сейчас, с опозданием, Перри нажал переключатель.

— ...капитан. — Услышал только последнее слово. Сказал:

— Повтори.

— Все в порядке, капитан.

— Вы оба хорошо слышите друг друга? — нетерпеливо спросил МакАллистер.

— Так точно. — Отозвался Перри с легкой хрипотцой, откашлялся, но это не помогло. — О'кей, командор.

— Старт через тридцать минут. Выйду на связь через четверть часа, я сообщу какого рода задание вы должны выполнить, пункт прибытия, а также необходимые для полета данные.

— Порядок. Все понятно.

«Наконец-то я узнаю» — подумал Перри, лежа в своем эластичном коконе, стараясь дышать спокойно и ровно. Смонтированная аппаратура на месте старта передавала наблюдателям данные касающиеся дыхания, пульса и температуры тела обоих космонавтов. — «Узнаю куда и зачем лечу, и за что я взялся, согласившись на полет не зная его цели, зная о нем лишь только то, что он будет самым длинным из всех, которые были осуществлены до этого времени. Узнаю о том, о чем до этого момента знали только командор и еще несколько человек, которых, наверное, не так уж много из Нэйви и Центрального управления. Может быть, я тогда пойму, почему именно Управление Космических Исследований так сильно интересуется этой экспедицией, что готовы были

взять на себя далеко немалые расходы по полету, ради того, чтобы в ней гарантированно принял участие их представитель».

Повернул голову, стараясь посмотреть на Торнтон. Это сделать было не так уж и легко, кресло было так сконструировано, чтобы человеку было невозможно изменить положение тела, что защищало его от удара о что-либо во время старта. «Интересно, а он тоже узнает обо всем только сейчас?» — подумал. — Те, может быть, не так уж хранили тайну как Гэлэктик-Нэйви. Если же он что-либо знал, то следует признать, что умеет молчать, ничем не выдал себя». Давление пневматической спинки кресла с силой возвращало голову Перри на прежнее место, ему приходилось медленно и упорно бороться с ним. Наконец ему удалось; он очень хорошо видел Торнтон, тот был совершенно спокоен, не проявлял никаких эмоций, никакого возбуждения, всегда присутствующего перед стартом. А ведь он не был профессиональным пилотом — Управление Космических Исследований не имело штатных пилотов, они ему не были нужны. И у него не было, как он нам признавался, большого опыта в межзвездных полетах. Это его равновесие импонировало Перри. Сам же он, даже сейчас, переживал минуту расставания с Землей точно так же как и когда-то в момент своего первого старта. Импонировало, но не удивляло. Он уже к этому привык, хорошо узнав эту черту Торнтон во время их пребывания в течении нескольких месяцев в Центре Космической Медицины.

* * *

Через все это они прошли: восемь адских месяцев в Центре, безошибочно продуманную систему отбора, которую они выдержали только как самые стойкие. Перри проходил через эти проверки относительно недавно, и по нормальному он должен был быть от них освобожден, но Мартин, главный врач Центра, заупрямился, настоял на том, чтобы обоим провести все исследования. Даже больше — потребовал, чтобы Перри присутствовал при тестировании Торнтон даже тогда, когда тест его самого не касался, и ему приходилось присутствовать в качестве зрителя.

Это делалось вопреки всяким правилам, но доктора не удалось персубедить, и он настоял на своем. «Вы не только заставляете парня действовать в условиях которые на Земле невозможно предвидеть, — сказал он, — но еще даете ему этого... этого Торнтон». Мартин не влюбил Торнтон с самой первой минуты; это могли быть старые предубеждения работников Управления и здесь не одаривали особой любовью, а может быть неприязнь доктора вызывало то обстоятельство, что Торнтон был Стражни-

ком. Впрочем это могла быть и личная ничем не обоснованная антипатия. «Хотя бы один человек должен иметь при всем этом немного здравого рассудка. Я заявляю: я не дам своего согласия, если не предоставите ему по крайней мере возможности лучше узнать, немного понаблюдать за этим своим... товарищем по полету. Делайте, что хотите, но я не дам своего согласия».

Им пришлось согласиться. Космический Кодекс запрещал отправлять экипаж без согласия главного врача Центра. И Мартин сделал все, что только было возможно, чтобы Перри узнал Торнтон как можно лучше. Его рефлексy. Его психическую и физическую устойчивость. Все то, что теоретически должно быть проверено, и то, что он может предвидеть реакцию другого человека, знать на что он способен, насколько на него можно положиться. Теоретически — потому что все эти знания на практике могут оказаться ошибочными.

Перри расслабил мышцы, позволил пневматике вернуть его тело на место и уложить его ровно и плоско. До старта оставалось еще больше двадцати минут, и ему ничего не оставалось, как только лежать, так же спокойно и разумно, как это делал Торнтон, раз уж он был сейчас приговорен к бездействию. Он сейчас мог заниматься исключительно своими мыслями, и он вновь вернулся к Торнтону и тем восьми месяцам проведенным вместе с ним в Центре.

Он многое о нем узнал, хотя и сомневался в том, что эти знания ему могут пригодиться: вес мозга, объем легких, рост, вес. А также в некоторой степени знал его психическую устойчивость, некоторые черты его характера, общую устойчивость. Это может быть важным. Торнтон определенным образом отличался от большинства других людей, неожиданными были его реакции на некоторые обстоятельства. Выделялся также и более стабильной психической конструкцией. Исключительно хорошо перенес исследования по проверке устойчивости на клаустрофобию, ограничение свободы и одиночество, его можно было неделями держать в камере тишины — и это не производило на него никакого впечатления. Ужасный тест основанный на том, что испытуемого помещают в закрытую камеру, куда не проникает свет и где отсутствует сила тяжести, Торнтон довольно легко прошел, правда он не совсем хорошо мог управлять своими мышцами, но это были нормальные проявления длительной гиподинамии. Наконец, у него начались нарушения функций организма связанные с длительным нахождением в невесомости: рвота, головокружение, сбой в системе кровообращения, которые всегда следуют вследствие физических причин, а не психических, которые были слабее, чем обычно быва-

ет. Никаких галлюцинаций, состояний страха или чего-либо подобного рода. На экране было видно, что он в течение всего времени сохранял абсолютное спокойствие.

— Это невероятно, — потом говорил Мартин. Мыл руки в своем кабинете, наклонившись вперед и подвернув рукава белого медицинского халата. — Если бы я этого не видел, то никогда бы в это не поверил. С подобным я еще не сталкивался.

А потом, с минуту стоял и неподвижно смотрел перед собой на голубого цвета стену, растирая автоматически, не сознавая того, пену на крепких, покрытых рыжими волосками руках, и проклинал все и вся: мертво и монотонно, с каким-то сосредоточенным бешенством, собственно и не адресуя их кому-либо конкретно. Проклинал, глядя на стену светлыми голубыми глазами, которые, казалось, ничего не замечают, даже стены перед собой.

Потом он обследовал Торнтона очень тщательно, чуть ли не по два раза, подвергал его одним и тем же исследованиям. Создавалось впечатление, что он хочет у него обнаружить отклонения от нормы, что-то такое, чтобы дисквалифицировать того, вследствие чего вычеркнуть его из кандидатов. Но ничего не удавалось обнаружить: интеллектуальный уровень в несколько раз превышал показатель в сто двадцать очков, мгновенная реакция, мощные легкие, сердце, железы в отличном состоянии, желудок, почки — одним словом, у него все было в превосходном состоянии. Физическая устойчивость также была выше нормальной. Торнтон мог значительно дольше в отличие от любого другого человека не есть и не спать. Лишенный жидкости, он в течение недели, не терял способности нормально действовать. При испытаниях в барокамере с низким давлением у него практически не было признаков декомпрессии, в тепловой камере, при значительном повышении температуры он мог выполнять все виды работ, предусмотренные программой, сохраняя ясность сознания. Даже кислородное голодание у него значительно позднее по сравнению с другими. Не было никаких сомнений в том, что эти, из Управления Космических Исследований выбрали среди своих людей кого-то, у кого такая устойчивость организма, ранее никогда не встречаемая. Это не могло быть случайностью. Может боялись того, что их кандидат при обследовании не попадет в список экипажа. «Феноменально», — не переставал повторять доктор Мартин, но в его словах чувствовалась ненависть. Впрочем, и удивление тоже, растущее с каждым новым результатом: электрокардиограмм, неврологических исследований, анализов и тому подобного. Удивление, которое у него вызывало это сильное, отлично скроенное, необычно стойкое тело. Ведь Торнтон даже и персгruzки переносил намного легче других.

Перри, так же как и Мартин, ни за что бы в это не поверил, если бы он этого не видел собственными глазами. Он первый прошел гравиратор, а затем уже смотрел как проходит тестирование Торнтон. Он находился вместе со всем коллективом врачей в пустом огромном зале, когда за Торнтоном захлопнулась крышка люка, он смотрел на мигание разноцветных огней: зеленый колеблющийся мотылек — это дыхание, красные линии чертили работу мозга, на экране электрокардиографического аппарата поднимались и опускались светящиеся кривые линии записи сокращений сердца этого Торнтона. Были там еще какие-то и другие индикаторы; освещенные циферблаты счетчиков тот час же регистрировали даже самые незначительные отклонения от нормы происходящих в подвергнутом тестированию организме.

— Ты готов? — спросил доктор Мартин.

Вначале ему дали ускорение два г, потом три, четыре и шесть. Он все переносил удивительно легко. Мартин увеличил до восьми: зеленый мотылек увеличил частоту колебаний своими крылышками. Торнтон дышал с трудом, уже начинал задыхаться. Когда вышел из камеры гравиратора, то из носа у него капала кровь, сам он качался — и это длилось в течение продолжительного времени, прежде чем он смог нормально стоять, уже ни на что не опираясь. А неделю спустя Мартин дал ему двадцать г. Всего на несколько секунд. Но именно двадцать.

Перри также при этом присутствовал. Создавалось впечатление, что врач был сильно возбужден — это был уже эксперимент. Мартина захватила страсть к научным экспериментам; специалисту космической медицины может и за всю свою жизнь не столкнуться с таким организмом, который все бы это выдержал. Потом он еще раз в течение часа обследовал Торнтон: кардиограмму, грудную клетку, давление — причем все очень тщательно. Гравираторы в Центре были оборудованы звуковой двусторонней связью, и доктор Мартин сказал:

— Если невозможно будет терпеть, кричи.

Слова и то как они были произнесены, привели к тому, что Перри подумал: «В этом есть что-то большее, чем простое любопытство ученого. Подсознательная жестокость? Садизм? Но сразу же устыдился, того, что подумал о докторе, потому что Олс Мартин был, прежде всего, доктором. А, однако, его первое впечатление не обмануло. Мартин, уже при десяти г, спросил:

— Больше выдержишь?

Торнтон хрипло дышал, усиливался глухой неровный стук сердца, линии электроэнцефалограммы в отчаянии метались, словно затухало сознание мозга, который посылал эти сигналы. Вероятно,

у него снова начала идти кровь. Он прохрипел:

— Вы... дер... жу...

Перри в светлых глазах доктора увидел желтоватый злой блеск, мимолетная вспышка тотчас скрытая веками, он понял, что жестокость Мартина была сознательной. Доктор увеличил ускорение до 13 г. Торнтон задышался и хрипел, весь зал заполнял усиленный динамиками грохот работающего в сумасшедшем темпе сердца. Это была почти агония, человека раздавливал вес его собственного тела, и если бы он даже захотел, то он не мог пошевелить даже губами, обратиться за помощью. Может быть мог только стонать, но Перри знал, что Торнтон стонать не будет. Для него достаточным были унижение, которое он испытывал в результате борьбы с собственным телом, одиночеством во время этой постепенной смерти, и, одновременно, от сознания того, что за ним наблюдают семь пар глаз, и он, словно обнажен, наблюдаемый при помощи всех этих приборов, ни один рефлекс, ни одно напряжение мышцы не подчиняется ему, не является уже больше тайной. Он боролся за каждый глоток воздуха, задышался там, придавленный страшными перегрузками, вероятно постепенно теряющий сознание...

— Хватит, — сказал Перри.

Он не имел права так говорить, он здесь только наблюдатель. То, что он был назначен руководителем экспедиции, здесь не имело никакого значения, так же как его опыт космических полетов, хотя благодаря опыту знал, что они ни разу не подвергнутся таким перегрузкам, понимал бессмысленность таких исследований. Однако Мартин послушался. Но только перед тем как закончить свой эксперимент, он дал Торнтону ускорение двадцать г. Всего на три секунды.

Но этого было достаточно. Торнтон был без сознания, сам он уже из камеры не вышел. Когда его из неё вытащили, Перри увидел, что у него все лицо в крови, а тело липкое от пота, который был выдавлен из всех пор кожи, в результате этого ненужного испытания.

— Это не по-человечески, Мартин, — кричал Перри пятнадцать минут спустя. Да, именно кричал, вопил на весь Медицинский Центр, не владея собой и не пытаясь понизить голос, не думая о всех возможных последствиях. — Ты скотина, а не врач. Этого вовсе не нужно было делать. Ты так сделал потому, что Торнтон Стражник. — Торнтон здесь же рядом, уже приходя в сознание, лежа на кушетке, сплевывал кровь. — Тебе доставляло

удовольствие, когда он задышался там, в гравираторе. Я же видел. Видел!

Доктор все еще сидел неподвижно, сидел с самого начала граничащего с истерикой взрыва эмоций у Перри: расставленные в сторону бедра, большие и мускулистые руки упираются в колени, сгорбившийся, наклонившийся вперед. Тихо, не стараясь его перекричать, сказал с каким-то ожесточенным презрением:

— Ты дурак. — А потом еще тише, более выразительно: — Чертов дурак...

Они смотрели друг на друга замолчав, неподвижные в неожиданно наступившей тишине. Понизив голос, уже значительно спокойнее, Перри сказал:

— Доктор, Вы не имели права.

— Права? — Оле Мартин смотрел на него снизу вверх, даже не пошевелившись: светло-голубые глаза под выцветшими бровями, голова похожая на яйцо, почти бесцветные, коротко постриженные волосы. — Ошибаешься, Карей. У меня есть такое право. Право, которое мне предоставляет должность главного врача Центра. А также, статья двадцать вторая, параграфы четыре и пять Космического Кодекса. — Встал, начал ходить по залу, спокойно, не спеша, разворачивался все время на одном и том же месте, потом подходил к стене, снова разворачивался и шел назад. — Потому что я, действуя подобным образом, стараюсь провести отбор, необходимый в этой ситуации. Наверное, знаешь для чего нужны исследования, проводимые на искусственно создающих определенные условия, установках. И еще — они используются с целью усилить устойчивость людей при помощи этих условий, в которых возможно им действительно придется действовать. — Говорил о вещах, которые все знали, его слова носили намеренно обидный характер. — Ваш полет немного иного плана по сравнению с другими. — Остановился, посмотрел на Перри. — А не пришло ли тебе в голову, пилот Карей, — он уже явно насмехался над ним, что эта экспедиция, самая длительная из всех, до этого времени будет проверкой для Вас самих? И что в условиях, при которых вся земная наука и техника может оказаться бесполезной, от ваших возможностей, вашего достоинства может зависеть все?

Перри смотрел на него спокойно и молчаливо. Потом сказал:

— Чепуха, доктор. Потому что в тех условиях я могу оказаться бесполезным, а не Торнтон. Я не выдержу двадцати г и в течение половины секунды. И Вы это хорошо знаете.

Неожиданно Мартин улыбнулся. Снова начал ходить по пустому большому залу, по тому же маршруту, что и раньше — шесть шагов в одну сторону и шесть шагов в обратную.

— Возможно это хорошо, что ты это будешь знать. Что он выдержит — ты нет. Может быть, очень даже пригодиться в какую-то минуту сознание того, что он может вытерпеть то, что для тебя будет смертельным.

— Не понимаю..., — тихо сказал Перри, чувствуя, что ему так же передалось странное напряжение доктора, без устали в который уж раз отшагивающего эти свои шесть шагов. Вдруг настояжился: — Я Вас не понимаю, доктор Мартин.

— Жаль. Что ж поделаешь, я не могу болсе ясно... Впрочем, может я ошибаюсь. — Они на минуту замолчали, недалеко от них задыхался Торнтон. — Давайте тогда рассуждать: целью этих всех исследований, кроме прочих, является объединение людей, которых ожидает выполнение задания, выполнение которого превышает их возможности и силы в несколько раз. Дать им возможность сотрудничать в будущем, а условием сотрудничества является как можно полное знакомство их друг с другом. Чтобы они могли предвидеть свои реакции, могли друг другу доверять, верить, что другой не подведет, что можно на него положиться в новой неожиданной ситуации, приводящей к тому, что любой обычный человеческий опыт становится бесполезным...

— И, именно, Вы пытаетесь выработать у меня... доверие к Торнтону, доктор?

Теперь уже он надсмехался над Мартином, но тот даже и на минуту не остановился, и даже на него мимолетно не взглянул. Сказал:

— Я не знаю. Я только Вас тестирую. И еще: я разрешил тебе наблюдать за ним во время тестов. Мне, как видишь, он не нравится — нет, даже не так, это трудно определить, но в его присутствии я чувствую себя как... Ну, например, собака в присутствии кошки. Ощущение, совершенно, не поддающееся объяснению, и у меня нет никаких доказательств..., что я прав. Но именно поэтому, что я так это чувствую, я хочу, чтобы у тебя была возможность внимательно за ним понаблюдать. Чтобы ты его узнал, Перри, знал, когда и чего можешь от него ожидать. Это, во всяком случае, как мне кажется, моя обязанность. Помни, что в какой-то момент потеряешь контакт с Землей, останешься один, и положиться ты сможешь только на него — кивнул головой в сторону Торнтонa — ну и на себя. Действительно, будет хорошо, если запомнишь: он выдерживает в три-раза больше тебя. Практически в

любой ситуации. Повторяю: для тебя же будет лучше, если ты будешь помнить об этом, Карсей... .

Перри видел Мартина словно через красную пелену — как обычно все выглядит тогда, когда от перегрузки глаза наливаются кровью. Заговорил со злостью, каким-то шипением, шепотом:

— Это клевета, доктор Мартин. Вы не имеете права. На это Вы действительно не имеете никакого права.., убеждать меня в том, что Торнтон мог бы... захотел бы... воспользоваться этой своей силой, использовать свои возможности... против меня. Вы минуту назад сказали: мы должны выполнить задание, требующее нашего взаимодействия... И Вы хорошо знаете: каждый из нас друг другу необходим. И в этой ситуации он мог бы... Здесь же нет логики. Это чепуха! Доктор, Вы зашли слишком далеко. Это оскорбление, и я не позволю... Я Вам официально заявляю, что я об этом подам рапорт Космическому Совету...

— Перестань, Перри.., — тихо сказал Торнтон. Сел, вновь откашлял кровь. — Это же не имеет смысла... Мы добьемся лишь того, что старт отложат до того времени, пока не рассмотрят твою жалобу на Совете. А это может протянуться до полугода: это дело будет одним из тысячи других и далеко не самым важным. А потом что? Начинать все сначала? Просто жалко время терять...

Попробовал улыбнуться, и впервые его улыбка не была красивой, да и что могло быть красивым в искривляющихся в улыбке окровавленных губах.

— Я... Я уже привык, Перри.., — сказал он, только неизвестно было к чему это относится: или к этим убийственным тестам, или к сосредоточенной ненависти Мартина. — Я тебе очень благодарен, но право... не стоит.

Снова подумал так же как и в первый день: «Он действительно не хочет зависеть от кого-либо или от чего-либо. И не потому, что он недостаточно гордый; наоборот он как раз даже слишком гордый, чтобы Мартин мог его оскорбить. Это все как-бы до него не доходило, не могло его задеть. Ему на это попросту наплевать». Только позднее он подумал еще кое о чем: что Торнтон очень хотел полететь. Поэтому он и терпел все это — подозрительность Мартина, изматывающие исследования и окружающую его атмосферу неприязни (доктор Мартин в этом не был одинок), мелкие и тягостные притеснения со стороны почти всех работников Центра, да и Гэлэктик-Нэйви, пилотов, несколько человек из числа которых здесь постоянно крутились. Временами это выглядело несерьезно: кто-нибудь демонстративно прижимался к стене, увидев проходящего мимо Стражника, чтобы его не коснуться, презрительная суетливость, когда ему уступали дорогу, с ним из-

бегали даже заводить случайные разговоры, мимолетные контакты. Почти что ничего... И Перри, видящий все это, все чаще и чаще ощущал нарастание внутри себя слепого бешенства, которое заставило его кричать в присутствии Мартина. Чем больше было презрения и ненависти, тем спокойнее все это переносил Торнтон, равнодушный, не пытающийся на это ответить ни презрением, ни гневом, которые должны были в нем всколыхнуться от их нетерпимости. Его упрямая гордость, самообладание, молчащее равнодушие приводило к тому, что все это ожесточение, направленное против него, каким-то образом попадало назад в тех, кто хотел его унижить — и это не могло не импонировать Перри. Эти месяцы в Центре привели к тому, что Перри сейчас чувствовал, что он связан с Торнтоном, хотя и не смог бы определить характер этих связей.

Быть может, он запомнил это исследование в гравираторе так подробно потому, что именно это стало началом того, чему он не мог подобрать названия, чего он не мог точно определить. В тот день он впервые почувствовал, что солидарен с Торнтоном. Выступая против Мартина, защищал не кого-то, совершенно ему чужого, а друга, человека, с которым его соединило общее задание и который, может быть именно поэтому, стал ему близким. По крайней мере доктор Мартин добился того хотя, вопреки своим словам, он к этому не стремился — что Перри в конце концов отбросил свои первоначальные недоверчивость, неприязнь или даже враждебность.

Теперь уже Перри никогда не думал о майоре как о «Стражнике», хотя и в дальнейшем он ничего о нем не знал. Торнтон никогда не говорил о себе. То, что он был астробиологом, причем хорошим, так как он был одним из создателей и реализаторов проекта преобразования Венеры путем распространения на ней хлореллы, поглощающей двуокись углерода и вырабатывающей кислород, Перри узнал также не от него. Он не рассказывал о космических полетах, в которых принимал когда-то участие, не говорил о своей работе (что возможно ему было запрещено делать), ни о своих планах на будущее, не вспоминал о молодости и детстве. После всего периода времени проведенного вместе в Медицинском Центре Перри его знал не намного лучше чем в первый день встречи, не всегда его понимал, не всегда мог догадаться о мотивах, определяющих его поступки.

И именно с таким человеком он стал тесно связан. Стал — потому что это уже началось с момента, когда за ним закрылась крышка люка, а может раньше, в небольшом зале совещаний в Гэлэктик-Нэйви. «Он и я. Карей и Торнтон», — подумал он.

Мысленно представил, как эти два имени вписаны один за другим в список Гэлэктик-Нэйви, в учебниках истории по космонавтике, на обелиске памяти — да все равно где. Перед ними было задание, которое они должны были выполнить, дружно взаимодействуя, работая, объединившись в единый коллектив самым настоящим образом. Единственно в чем был прав Мартин — это в том, что надо ясно сознавать, что можно на этого второго положиться.

Верил, что может. Даже сейчас, даже в этих его размышлениях не было недоверия, беспокойства большего чем это обычно случалось перед стартом. Отличие Торнтона от других не могло представлять какую-либо угрозу; черты, раздражающие Мартина, именно у него вызывали доверие. Немного о нем знал, но то, что уже узнал, ему было достаточно. И было еще одно, что понял в тот день, после испытаний в гравираторе: Торнтон очень сильно хотел лететь. Это было, вероятно единственное, общее для них желание, которое не мог не опознать и не оценить. Хотя об этом Торнтон также никогда не говорил, Перри был уверен в том, что не ошибся. А такие не подводят, — думал он. — В этом всегда убеждаешься ТАМ, такие не подведут тогда, когда становится труднее всего».

* * *

Начал поворачивать голову, перебарывая мягкое, но сильное сопротивление пневматической спинки кресла; хотел вновь увидеть лицо Торнтона, это лицо, на котором еще никогда не видел беспокойства, неуверенности и страха. Сейчас, за полтора десятка минут до старта, вид спокойствия был своего рода поддержкой. Успокаивал, наполнял доверием. Но не только. Удивлялся, тому, что как могут всегда интриговать черты лица другого человека, которые видел не раз. Это было вновь. Первый раз после длительного перерыва Перри подумал, что хотел бы понять кого-то другого, узнать его лучше, чем это было необходимо для выполнения задания. Давление пневматического подголовника заставило его снова удобно улечься в кресле. Был сейчас абсолютно спокоен, расслаблен и, наверное, эти ощущения были не только от сознания, что уже не вернешь всего того, что случилось и на что он согласился, согласился выполнить задание, о котором ничего не знал, и работать вместе с Торнтоном. Лежал без движения, над ним навис вогнутый, покрытый белым лаком потолок, в середине которого располагался ряд округлых и плоских ламп. В их молочном свете ясно видел стрелку электронных часов, которая двигалась мелкими едва заметными скачками; к ней надо было некоторое время приглядеться, чтобы увидеть этот маленький быстрый

скачок. Стрелка постепенно продвигалась к цифре девять. Перри подумал: «Шестнадцать минут до старта», — и чувствуя, что у него пересыхает во рту, быстро провел языком по шершавым губам. Через минуту должна включиться радиосвязь.

Динамик радиосвязи захрипел — это вновь был МакАллистер, на этот раз он ни к кому конкретно не обращался, говорил словно в пустоту, но в этом видимом равнодушии чувствовалось какое-то незначительное напряжение:

— Руководитель старта обращается к экипажу межзвездного корабля «Редберд». Руководитель «Редберда». Сообщаю информацию относительно задания, которое Вы должны выполнить. Как меня слышите? Прием.

Перри нажал на переключатель, на этот раз без колебаний. Начал говорить, с облегчением убеждаясь в том, что голос у него по-прежнему тот же самый, привычный, не выдающий никаких чувств, даже любопытства:

— Руководитель специального разведывательного корабля «Редберд» обращается к руководителю старта. Слышим Вас хорошо. Мы оба хорошо слышим. Прием.

Командор с минуту молчал. Перри его представил, как тот стоит в помещении управления стартом: деловой и хладнокровный, со своим постаревшим лицом, покрытым морщинами, как трещинками покрыт фарфор в музеях. Со всегда ясными глазами, которые никогда не хотели стареть. Один из самых великих космонавигаторов, человек, который всю свою жизнь посвятил полетам и который никогда не колебался, не сомневался в правильности сделанного им выбора. МакАллистер вновь начал говорить, и в его голосе сейчас, когда он принимал решение касающееся других людей, а не его самого, не было слышно ни одной нотки неуверенности.

— Сообщаю параметры укороченной программы первой части полета. Старт с начальной скоростью 14 км/сек. по сигналу ноль, атомный привод, радиоуправление. На четырнадцатом часе полета корабль пройдет орбиту Луны, с этого момента экипаж принимает контроль за приборами управления. На уровне орбиты Марса корабль разовьет третью космическую скорость. Прохождение через перстень астероидов на восемьдесят шестом дне полета. При выходе из Солнечной системы — включение фотонных двигателей и гибернация экипажа. Подробности программы полета закодированы в мнемотронах корабля. Как понял? Прием.

Это была чистой воды формальность — никто бы не смог управлять космическим кораблем на основе этих единичных данных,

точно также никто бы не смог запомнить огромное количество необходимой информации, если бы даже ее всю сообщили. Настоящая работа для Перри начиналась с момента, когда он сорвет печати с системы памяти «Редберда». Но этих уставных ритуалов и так уж достаточно, поэтому он вышел на связь, стараясь сделать эту церемонию как можно короче:

— Подробности программы в мнемотронах «Редберда». После прохождения орбиты Луны принимаю управление на себя. Конец доклада, прием.

После небольшого, незначительного по времени перерыва, командор продолжил:

— Конечная цель полета: ВХ-16, пятая планета в системе альфы Льва...

«Значит это все-таки Регул», — подумал Перри. Сердце у него затрепетало, быстро и неожиданно как выброшенная на берег рыба, — это был действительно самый дальний из всех полетов. Но у него уже не было времени, чтобы над этим задумываться, он должен быть внимателен, потому что тот продолжал:

— Данные касающиеся нашей галактики и маршрута полета введены в память бортовых астронавигационных приборов...

— Не дожидаясь окончания передачи, Перри начал докладывать:

— Я хорошо все понял. Полет на ВХ-16, Регул. Данные маршрута закодированы в астронавигационных приборах. Перехожу на прием.

«Сейчас, — подумал, чувствуя как у него напрягаются все мышцы. — Сейчас, наконец-то все узнаю». Но командор замолчал, словно специально хотел проверить степень его терпеливости. Потом тихо сказал; и голос его Перри показался каким-то уставшим, как-будто МакАллистер неожиданно потерял свою обычную энергичность:

— Задание для экипажа «Редберда»: проведение точных исследований планеты, а особенно необходимо установить, возможна ли там жизнь. — На этот раз молчание немного больше обычного затянулось, словно он о чем-то задумался, о чем-то размышлял. Эти паузы не были в его стиле. Наконец сказал: — И могли ли существа, живущие там, достичь фазы развития Разумных.

Сердце неожиданно сжалось, словно стиснутый кулак, затем на некоторое время его захлестнуло волнение, поднимающееся горячей волной откуда-то снизу к самому горлу. Иные разумные существа... Более трехсот лет человечество верило в их существование, ожидало Встречи с ними, но ее все не было. Перри в напряжении ожидал дальнейших слов, но радиоприемник молчал,

на этот раз очень долго; если бы не лампочка спокойно светившаяся над шкалой приемника, то можно было бы подумать, что неожиданно перед стартом, в самую последнюю минуту, вышла из строя передающая аппаратура. Потом МакАллистер очень тихо начал говорить, не так как обычно, словно то, о чем он говорил не являлось отдачей приказа и он не являлся руководителем старта:

— С планеты ВХ-16 мы получили сигналы на волне длиной 21 см, волне межзвездного водорода. Все указывает на то, что сигнал был подан иной цивилизацией. Но мы не можем расшифровать этого послания, оно неразборчивое, местами заглушаемое космическими шумами. Мы пытались с ними связаться, но безрезультатно. Наши сообщения остаются без ответа. С посланными с Земли зондами мы теряем связь, как только они приближаются к планете, вероятно их сигналы глушит какое-то излучение, создающее вокруг планеты сферу помех... Мы несколько раз повторяли попытки с ними связаться, но результат один и тот же. Поэтому Космический Совет решил осуществить полет корабля с экипажем на борту. Ваше задание — найти источник этих сигналов. Если будет возможным, то навязать контакт с существами, которые передают нам эти сигналы. — Снова замолчал; стрелка часов за это время два раза вздрогнула. Как бы стряхивая с себя задумчивость, сказал: — Повтори, как все понял, капитан Карей.

— Задание для исполнения: разведывательный полет к ВХ-16, передающий сигналы на волне межзвездного водорода. Установление источника, из которого эти сигналы поступают, проведение исследования на предмет наличия на планете жизни. — Из всего того, что услышал, следовало, что это более чем правдоподобно. — В случае встречи с разумными существами — войти с ними в Контакт. Все. Прием.

Собственный голос казался чужим, в ушах стоял звук ударов собственного сердца. Сейчас ему было безразлично, что регистрируют приборы контролирующие поведение экипажа. Войти с ними в Контакт. Приказ, о котором мечтает каждый пилот межзвездных кораблей, неисполнимое желание, которое существует с тех самых пор, когда начались полеты за пределы системы. Быть может именно поэтому выбирают эту профессию, отказываются от обыденной жизни, соглашаясь быть отстраненным от всех дел, связанных с собственной планетой. Войти в контакт. Приказ, который слышало такое малое число людей. И которого никому еще не удавалось выполнить...

Динамик замолчал, только легкое потрескивание свидетельствовало о том, что руководитель стартовой операции все еще на

связи. Вдруг МакАллистер начал торопиться, до старта оставалось всего шесть минут.

— Это большой шанс, может быть не только для нас, но также и для Тех, посылающих в космос свои сигналы... И другая такая возможность может нам не представиться еще сотни лет... — Это было таким очевидным, что Перри был сильно удивлен, слыша слова из уст командора. — Впрочем всего этого я не должен тебе объяснять. Но это очень рискованное, трудное задание, Карей. — Обращался сейчас только к нему, словно при этой доверительной беседе Торнтон не присутствовал или все это уже знал и ему ничего не надо было объяснять. — Двести с лишним лет люди не посылались в неисследованные районы, не посылали экипажи на произвол судьбы. Возможно и не следовало бы давать согласия и на этот полет, слишком большой риск, прецедента подобному еще не было... Быть может я должен был отказаться от участия в экспедиции Нэйви... — Все это не было предусмотрено никакими правилами управления стартом, такой разговор так же не имел прецедента. Командор замолчал, у Перри было впечатление, что он слышит как командор дышит: быстро, прерывисто, как обычно дышат в минуту сильнейшего физического напряжения. Напряжение также чувствовалось и в его голосе: — Перри. — Он действительно дышал чаще чем обычно, словно с кем-то боролся, может быть с самим собой. — То, что я сейчас сделал, ты, наверное, считаешь не соответствующим принципам честной игры. И, наверное, имешь полное право так считать. Это необычный полет, и тебе была предоставлена возможность, чтобы твое решение было основано на полной информации. Но существуют причины, о которых я тебе ничего не могу сказать, доставляющие меня и Гэлэктик-Нэйви поступать подобным образом. Я узурпировал себе право решать за тебя, но это было необходимо... Я хотел бы, чтобы бы ты смог понять...

Замолчал, и Перри знал, что больше уже ничего не скажет, да и вообще он мог этого не говорить, и вовсе не должен был перед ним оправдываться. Даже больше — им никогда уже не придется встречаться, и ему должно было быть безразличным, что Перри обо всем этом думал. Но сейчас, в последнюю минуту перед стартом постарался объяснить мотивы, которые лежали в основе его решения, считая по-видимому, что он хотя бы это должен сделать. Перри посмотрел на часы — стрелка уже только чуть-чуть отклонялась от вертикального положения. У него было слишком мало времени, чтобы обо всем этом подумать, чтобы, отвечая, иметь возможность руководствоваться чем-то иным, а не только первым душевным порывом. Сказал совершенно искрен-

не, с самым глубоким убеждением, отвечая тому человеку, который все свои действия подчинял исключительно целям космических полетов, сказал то, что тот хотел услышать:

— Все в порядке, командор. Я взялся за выполнение задания, соглашаясь на то, что я о нем вообще ничего не буду знать до момента старта. Впрочем, если бы я тогда в Нэйви услышал то, что я услышал сейчас, то мое решение было бы точно таким же...

Высокий, пронзительный сигнал предстартовой готовности прервал его на полуслове. Но это уже не имело никакого значения, самое главное уже было сказано. Вновь раздался сигнал, Перри расслабил мышцы, кресло его плотно охватило, сделало его тело неподвижным, воздух с шипением заполнял оставшееся незначительное пространство в пневмоустановках кресла. Теперь он действительно уже не мог пошевелиться.

Радиоприемник еще раз зазвучал. Это был все тот же МакАллистер, но на этот раз его голос звучал совсем иначе; можно было бы подумать, что в нем чувствуется волнение, если бы не было известно, что командор был очень устойчив к подобным чувствам. Он цитировал обычную формулу, предусмотренную правилами:

— Начинаю отсчет. Старт в момент ноль. Без приема.

Почти сразу же раздался голос автомата; это должен быть именно автомат, потому что ни один человек не мог бы говорить так монотонно:

— Тридцать... Двадцать девять...

Что-то неожиданно затрещало, на равнодушный отсчет времени наложилась какая-то волна. «А это не предусмотрено программой» — подумал неожиданно развеселившийся Перри. Кто-то лихорадочно вызывал:

— Я Земля... Я Земля... Центральная Станция обращается ко всем...

Затем снова затрещало, и тот же самый голос как-бы с облегчением сказал:

— Передаю сообщение. Центральная Станция обращается ко всем космолетам находящимся в секторах: 1, 11, 111, 1111 и 11111. Объявляю о закрытии секторов. Повторяю: о закрытии секторов 1, 11, 111, 1111, 11111 до поступления иной команды. Открываю свободный путь для специального разведывательного корабля класса Г-111, под названием «Редберд». Повторяю сообщение: начинаю стартовую операцию «Рерберда». Старт корабля в момент ноль. Объявляю о закрытии до особого распоряжения секторов: 1, 11...

В третий раз что-то треснуло, голос замолчал, только автомат продолжал равномерно отсчитывать:

— Семь секунд до момента ноль, шесть секунд до момента ноль...

Перри прикрыл глаза, вслушиваясь в постоянно усиливающийся рев двигателей. «Редберда». И тут же их открыл; хотел увидеть на экранах серебристые клубы туч, хорошо видимых в момент, когда космолет проходит сквозь атмосферу. С сожалением подумал, что уже не сможет увидеть Земли — голубых морей Арктики, покрытых плавающими садами так же плотно, как когда-то вечным льдом, Сахары с перекатывающимися волнами спеющей пшеницы от каждого дуновения ветра, огней городов, погруженных в темноту восточного полушария — ни одного из этих пейзажей, отличающей ее от всех остальных планет Солнечной Системы. Он ее увидит только тогда, когда она станет плоским диском, светящимся на экранах расположенных сзади. Почувствовал небольшие спазмы в горле, он сглотнул, и спазмы уменьшились. Свет в кабине на некоторое мгновение стал более слабым, автомат пролаял:

— Ноль!

В этот самый момент Перри вжало в кресло, словно бы на него навалился огромный груз. Видел окружающее и слышал уже хуже, и может ему только показалось, что сквозь вой двигателей и шум собственной крови услышал эти слова, которые командор МакАллистер вновь сказал вопреки всяким правилам старта:

— Счастливой дороги, Карей, Гуд лак.

На бортовой космической карте красная прерывистая линия, протянувшаяся от светящейся точки расположенной в Солнечной Системе, теперь уже касалась другой светящейся точки — это путь, по которому прошел «Редберд», эта часть здания уже была сзади. Третий день находились на сателитарной орбите, вращаясь вокруг планеты. Отражающий зеленоватый призрачный свет диск ВХ-16 находился на боковом экране, занимая своим изображением две трети его поверхности.

Перри наклонился над плечом Торнтонна, бегом проверив показания приборов на белого цвета пульте управления. Собственно он все приборы знал на память: пульсацию контрольных лампочек, колебания стрелок, радары прошупывающие окружающее пространство своими лучами. Немного отступил и сказал:

— Тор, сдай вахту.

Торнтон развернулся на вращающемся кресле, легко с него поднялся, словно и не сидел он здесь неподвижно в течение четырех часов. Потянулся до хруста в суставах.

— О'кей, принимай дежурство, — сказал почти весело.

Гравитация была почти нормальной, наконец-то они могли свободно передвигаться, и каждое неосторожное движение уже не грозило резким взлетом вверх, травмированием головы о потолок, или же, в лучшем случае, зависанием между потолком и полом. Вахты, которые они стали нести регулярно с момента вхождения корабля на орбиту планеты, не были такими мучительными как до этого состояние невесомости. Перри сел в освобожденное Торнтоном кресло, развернулся вокруг собственной оси и склонился над пультом. Вновь стал проверять показания приборов, так как это было необходимо сделать по инструкции, хотя это уже было совершенно излишне. Любой пилот после нескольких лет работы тотчас же замечает малейшие сбои в функционировании приборов и аппаратов, независимо от того, что сообщают об этих сбоях счетчики и датчики работы двигателей и ускорителей, температуры, давления мониторов, ионизирующего излучения, аппаратуры, отвечающих за поддержания нужного климата и нужного количества кислорода, и любого другого аппарата из сотен других.

— Что-нибудь не так, Тор?

Торнтон стоял неподвижно за его спиной. Перри не мог его видеть, но однако — почти физически — чувствовал его присутствие. Равнодушно ответил на заданный вопрос:

— Во втором часу обнаружил небольшую течь. Я направил для ремонта автоматы.

— Меня надо было разбудить.

— Зачем? Пятнадцать минут и все уже было в порядке. Ты и так мало спишь.

Они оба имели равное время для сна, только Торнтон переносил все значительно легче, благодаря своей необычайной физической конструкции. Перри набылчился — он не любил, когда ему напоминали о значительной разнице в их физической устойчивости. Посмотрел на левый экран: ВХ-16 светилась точно так же как и минуту назад, только более темные пятна, видимые на ее поверхности, изменили свою форму. Не отрывая взгляда от зеленоватого диска, спросил:

— Как вышел третий зонд?

— Так, как ты и предвидел. Ураносодержащих руд здесь действительно до черта, но и других металлов тридцать четыре процента. Скалы напоминают земные вулканического происхождения

— в основном базальт и гранит. Нужны более подробные результаты?

— Ладно, потом. Что еще?

— Я взял пробы атмосферы. Подтверждаются прежние анализы: азот, кислород, двуокись углерода, гелий, неон, и небольшая примесь других газов. Почти пять процентов кислорода. Это можно назвать воздухом, Перри, хотя человек не может дышать этим воздухом. Кислородные аппараты нам все-таки будут необходимы.

Перри развернулся на кресле к Торнтону, посмотрели друг другу в глаза. Спросил:

— Ты думаешь, что иное живое существо... с дыхательным органом, построенном по-иному...

— Да.

«А значит это возможно. Это, настоящая планета, на которой могло также...» — подумал Перри. Но не закончил свою мысль; его поразило то, что на лице Торнтона отсутствовало какое-либо отражение чувств, которые захватили его самого. Хотя это еще ни о чем не говорило. Знал его уже достаточно хорошо, особенно то, что Торнтон в совершенстве владел своими чувствами. Серые и холодные глаза смотрели совершенно равнодушно, но видимо мысли у них были одинаковые, потому что заметил, что он отвечает как бы для самого себя и для Перри на вопрос, который никто из них не осмелился задать:

— Это возможно, но пока еще ничего не знаем. Не существует же правила, согласно которому при одних и тех же условиях должны происходить те же самые или хотя бы подобные биологические процессы...

Замолчали — в тишине попискивал радиолокатор. Торнтон все еще стоял над Перри, который также был неподвижен в своем вращающемся кресле. Минуту спустя спросил:

— Будешь посылать четвертый зонд?

— Нет, это излишне. — Отвернулся, наклонился над пультом. — Я направляю фоторакету, мне нужны снимки поверхности. Надеюсь на космодром, слегка улыбнулся, зная, что тот, хотя и не видит его лица, но, однако, услышит эту улыбку по звучанию голоса — ну, а все-таки я не хотел бы в чем-нибудь увязнуть...

Хотел ослабить напряжение, и Торнтон все принял так как это требовалось. Он передвинулся немного вправо, теперь его Перри мог видеть: высокий, худощавый в этой своей черной, потертой за эти последние годы полета коже, с пришитым к рукаву, также незначительно полинявшим, зеленым треугольником, к которому Перри уже настолько привык, что уже не всегда замечал этот знак или символ. Невозможный при любых обстоятельствах, внешне

Невпечатлительный. Перри с удивлением подумал с легким чувством зависти о том, что он, даже если у него что-то вызовет сильное волнение или было для него неожиданным, никогда этих чувств внешне ничем не проявит. И впервые пришел к убеждению с некоторым сожалением, что хладнокровие Торнтон закрывает перед ним мир чувств и мыслей последнего, ощущая себя стоящим перед только что захлопнутой перед ним дверью.

«Но это не имеет значения — подумал он, стараясь обмануть самого себя, не признать того, что тот каким-то образом мог ему быть необходим. — Ни в одних правилах никогда не говорилось, что члены экипажей должны понимать друг друга лучше, чем это требуется для выполнения задания». Но это сожаление осталось, маленькое и смешное, собственно не имеющее никакого значения, а, однако же, такое неотступное.

Закончил проверку показаний приборов и включил автоматическое управление «Редбердом». Повернул голову, с минуту вновь смотрел на экран; бледный, светящийся диск притягивал к себе. Все шло хорошо, согласно гармограмме, через двадцать четыре часа начнется посадка. На необходимые исследования хватило трех дней нахождения на орбите, хотя вначале опасался, что этого срока недостаточно. Но успели, сделать им осталось совсем немного. Сказал:

— Все нормально, Тор. Ты свободен.

Торнтон стоял возле пульта, не думая уходить. Он всматривался в Перри. Находясь под этим изучающим взглядом, Перри вдруг понял, как сильно он устал. Он провел рукой по лицу, словно бы хотел стереть с него следы усталости. «Это, наверно, даже не от недосыпания — подумал он. — Нервы. Чувство ответственности: за себя и за него, да и за корабль тоже. Но я сделал все, действительно все, чтобы только обеспечить наибольшую безопасность. Во всяком случае обезопасить нас от того, что можно было предвидеть. И он об этом хорошо знает».

— Я хотел бы тебя кое о чем спросить. — Торнтон стоял по-прежнему как и минуту назад, навалившись плечом на стену, заслоняя собой второй экран. — Сколько же тебе на самом деле лет, Перри?

— Знаешь ли, это не так просто... — Вопрос был по крайней мере неожиданным. — В измерении земного времени, начиная с года рождения? Согласно времени, действующего на борту кораблей, на которых я летал? Биологических?

— Биологических, конечно.

— Когда мы стартовали, то мне было тридцать шесть. На нашем космолете с момента старта прошло четырнадцать лет, из ко-

торых двенадцать мы провели в гибернаторах. Значит мне тридцать восемь. Почему это тебя интересует?

— Просто... Ты поседел.

В его темных и блестящих волосах седины еще не было, хотя он был едва ли моложе. Перри ждал, что последуют еще слова, но видимо он посчитал, что интересующий его вопрос решен; наклонился, поднял с пола банку с фруктовым соком, наполнил стакан на три четверти. Не торопился, такое обычное действие как питье стало удовольствием после стольких месяцев высасывания жидкостей через пластиковые трубочки, втискивания в себя пищи в виде жидкой пасты из небольших порционных тюбиков. Держа в руках стакан и банку, посмотрел на Перри:

— Хочешь глотнуть, капитан?

Отказался, качнув головой. Торнтон выпил и вновь налил себе. Спросил:

— Может ты хочешь кофе? То я его сейчас приготовлю.

Не ожидая ответа, держа банку в правой и стакан в левой руке, исчез за дверями каюты. Они были достаточно низкими — Перри доставал головой до верхней планки, а Торнтону приходилось наклоняться, чтобы не стукнуться лбом. Глядя на худощавую фигуру своего спутника, Перри подумал, что уже давно никто о нем так не беспокоился как Торнтон. За исключением автоматов, тех, обязанностью которых было обслуживать человека. Только их заботливость была равнодушной, вытекающей из вложенной в них программы. Потом он вспомнил их первую встречу в здании Гэлэктик-Нэйви и свои предубеждения, которых он сейчас стыдился, ту какую-то непонятную неприязнь, ничем необоснованную, такую же обидную как враждебность работников Центра Космической Медицины. Только он удержался от попыток притеснения его. Однако, это было слабым оправданием.

Потом он неоднократно задумывался над тем, откуда в нем и других людей бралось это ожесточение, но не находил причин его. Вернее он находил только одну причину. Несмотря на прекрасную цивилизацию, они все еще ничем особенным не отличались от животных, готовые преследовать только за то, что чем-то отличаются от других. Воробьи заклюывают канарейку, собаки на смерть загрызают волка, который одиноко попадает к ним в стаю. То же самое было с Торнтоном, он был более устойчив, сильнее, лучше сложен, более высоким показателем уровня интеллигенции по сравнению с другими — он был другой. И еще он был Стражником, что также означало, что для всех остальных он был загадкой: непонятный, чужой, не поддающийся стандартным суждениям. «Значит человечество так и не продвинулось вперед с тех

Вре́мен, когда «чужой» означало «враг»? — думал с удивлением Перри. — То же самое человечество, которое задумало навязать Контакт с жителями далеких планет, надеясь на встречу с ними в течение стольких лет и очень многого от нее ожидая... Да и как же будет выглядеть этот Контакт, если человек не изменился со времен, когда на Земле существовали еще границы и другие особенности, защищаемые законом: национальность, цвет кожи или глаз, язык, на котором каждый день говорили — каждая из них могла явиться предлогом к резне?» Впервые он начал сомневаться в возможности понимать друг друга, он сам себя спрашивал, как будет выглядеть встреча этих двух существ, о которых можно было сказать только одно: они совершенно разные. С чувством беспокойства, ранее ему неизвестном, он спрашивал себя, достаточно ли будет тех черт, которые в чем-то похожи между собой у обоих существ, для того, чтобы сломать барьер отчуждения, недоверия и страха, и так ли уж много будет этих черт.

Он вновь посмотрел на планету — она светилась как и раньше, молчаливая, висящая в ледяной черной пустоте — неразгаданная загадка, чужой планетарный шар, на поверхности которого может всякое случиться. Он вдруг припомнил, что уже в течение двух дней не слышал никаких сигналов, и даже эта констатация факта касалась неизвестного: он не мог определенно сказать, что это хорошо или плохо. Если действительно их посылали разумные существа, то трудно было угадать, почему они их перестали передавать: может для того, чтобы поприветствовать гостей, которых тот голос вызвал из глубин космоса, или затем, чтобы их уничтожить...

Сквозь неплотно закрытые двери каюты проникал запах кофе, совсем как на Земле. Перри перестал всматриваться в экран — Торнтон уже возвращался, неся небольшой сосуд. В другой руке у него был все еще наполненный до половины стакан, консервную банку держал под мышкой, и когда он проходил со всем этим, то вынужден был придерживать двери локтем.

— На следующий полет с тобой я для себя заказываю место стюарда — шутливо сказал он. — Принимая во внимание то, что ты как заслуженный пилот межзвездных экспедиций получишь место командира какой-нибудь благородной тачки, на которой перевозят ученых на какую-нибудь ближайшую звезду в условиях полного комфорта... Ну, признайся, Перри, что я справлюсь с этой работой. — Поставил перед ним кофе.

— Благодарю — пробормотал Перри, несколько смущенный подобным обхождением, от чего он давно уже отвык. Может поэтому он добавил довольно резко: — Это же разведывательный

космолет, а не научная база, и ни один из нас не обслуживает другого. Я мог сам себе его приготовить.

— Я подумал, раз уж у тебя вахта...

Торнтон насмешливо приподнял брови, видно было, что язвительный тон Перри не произвел на него никакого впечатления. Наклонился, банку с соком поставил у своих ног, а затем оперся плечом о стену и с почти незаметной улыбкой сделал глоток из стакана. Стараясь, чтобы все выглядело твердо и сурово, Перри произнес:

— Но ведь ты же закончил вахту. И знаешь, где сейчас ты должен быть?

— Знаю. В своей каюте. «Вахтенный после окончания дежурства должен отдыхать не менее одного часа. В это время недопустимо его использовать на каких-либо работах, за исключением аварийных ситуаций». Служебный Устав, раздел третий, параграф шестой. Признайся, Перри, что это правило составлял какой-то кретин. Как впрочем и большинство всех других правил...

— Он снова отпил немного сока. — Как только ты начнешь быть служакой и применять все эти предписания, так сразу же с тобой становится трудно общаться.

— Может быть. Но это также относится и к твоим, Торнтон, обязанностям.

— Чудишь, капитан. Это все потому, что у тебя такой маленький экипаж. Не можешь никак разогнаться на поприще руководителя, имея на побегушках всего одного человека — меня... — Он хитро улыбнулся и быстро добавил, предупреждая ответ Перри: — Ты сейчас скажешь, что тебе очень приятно, что я все таки должен убраться из помещения управления. А правила не предусматривают никаких исключений в такой день как сегодняшний?

Перри также улыбнулся; значит Торнтон не выдержал, наконец-то, выдал то беспокойство? — любопытство? — надежду? — что так долго укрывал в себе. В который раз за сегодняшний день посмотрел на левый экран. ВХ-16 неизменно продолжала светиться, и это ему напомнило первый самый важный полет — тот, с которым действительно приходилось считаться, — и то его ощущение, когда неизвестную планету уже видел на оптической плоскости, зная, что сверкающий диск через несколько часов станет доступным для осязания: твердая почва под ногами, грунт, по которому человек может самым обычным способом передвигаться. «Он неоднократно уже пытался его понять; иногда он ловил себя на том, что наблюдает за ним в постоянном напряжении, стараясь заметить любое движение его лица и любое его движение, только

с единственной целью — найти щелочку в его броне внешней невозмутимости. На этот раз ему удалось: это был один из тех редчайших моментов, когда мог догадаться о его ощущении или чувстве. С какой-то внутренней радостью, вытекающей из счастливой уверенности в себе, что было следствием того, что он смог продираться сквозь совершенное самообладание Торнтона, спросил, таким же ни к чему не обязывающим, насмешливо-многозначительным тоном, какой был у Торнтона:

— Слушай, а где ты, Тор, до этого времени вообще летал? Сатурн, Трансплутон, Проксима Центавра?

— Нептун и Плутон. Два дальних полета: на Толиман и Вольф 359. Тот второй без посадки на поверхность, нашей задачей было радиоуправление комплексом спутников, исследующих хромосферу Вольфа, а не исследование планет его системы. Пребывание на Венере, но я туда летал как пассажир, а не как член экипажа....

— Ну, так... Это почти что ничего. — Перри слегка прикусил губу (смех все еще в нем пульсировал), посмотрел на Торнтона. — Я иногда задумываюсь, неужели в этом твоём Центре не смогли найти ни одного парня с каким-нибудь большим космическим опытом? И им пришлось мне дать такое полено?

Торнтон в улыбке обнажил зубы:

— Но ты должен признаться, что я быстро учусь. Ну, будь ко мне справедлив, Перри...

— Особенно сегодня. Ты стал исключительно сообразительным, Тор.

— Стараюсь, капитан. — Вновь сверкнули белые зубы. — Стараюсь быть чудным, хотя бы настолько, чтобы ты выдержал еще какое-то время это, непредусмотренное правилами, присутствие твоего экипажа...

Он поудобней прислонился к стене, слегка наклонил голову; там, где он стоял, потолок кабины снижался переходя в боковую стену плавным полукругом. Он не собирался уходить, да и Перри уже не думал его торопить; все замеры были сделаны, космолет был подготовлен к завтрашней посадке. Сказал:

— Оксэй. Сиди здесь, если уж так хочешь. — Окинул взглядом длинноногую, втиснутую в угол, фигуру. — Через полчаса буду исправлять орбиту полета. Все равно, когда начнется вибрация, ты едва ли сможешь нормально спать.

Располагаясь поудобней в своем углу, Торнтон присел на невысокий барьер бегущий вдоль стены. Потом с удовлетворением заявил:

— Как видишь капитан. Может я тебе для чего-нибудь и пригожусь, хотя конечно, я вряд ли в этом когда-либо признался бы.

Он смотрел на него своими серыми глазами, в которых сверкание ртути перемешивалось с темными полосками состоящих как-бы из крупинок стальных опилок, и Перри вновь улыбнулся: «А он ведь мне просто нравится» — подумал он. Эта мысль к нему пришла совершенно неожиданно, а потом удивленный тем, что у него появилось такое чувство, и смущенный пристальным взглядом этих серебристых глаз («Он об этом и вовсе не должен знать») — повернул голову, направив все свое внимание на пульт управления. Прикоснулся к нему рукой без какой-либо необходимости, с минуту смотрел на колеблющиеся стрелки приборов. Когда почувствовал, что он может владеть своим голосом, произнес — так же легко, ни к чему необязывающим тоном, как и его спутник:

— О'кей. — В настоящий момент у него не было времени, чтобы размышлять над этим своим неожиданным открытием. — Ну если тебе так это важно, то ты можешь мне сообщать расчеты для внесения поправок в курс полета.

Торнтон не ответил. Перри взглянул на него: тот по-прежнему сидел на этом своем узком барьере, со стаканом в руках; он уже не вглядывался в лицо Перри, а разглядывал поверхность жидкости, словно над чем-то задумался. Не похоже было, что он замечает то, что происходит вокруг него, попросту он был сильно занят своими, только ведомыми ему мыслями. Почувствовал взгляд Перри, он повернул к нему голову, которую наклонил набок, как трясогузка, и спросил на этот раз совершенно серьезно:

— Послушай Перри, почему даже на самые большие расстояния направляют разведывательные космолеты с командой из двух человек на борту? Я понимаю, что это имеет принципиальное значение, но не очень-то я это понимаю... Если бы нас было четверо, то каждый вахтенный мог бы иметь помощника при проведении любых маневров...

— Ну это же не так и обязательно. Собственно кораблем управляют автоматы. Человек только должен наблюдать за их работой... — Вопрос был довольно необычным, но он не стал над этим задумываться. — Только в самом начале, сотню с полуторами десятков лет назад, прошу прощения, я хотел сказать: сто пятнадцать лет назад до старта «Редберда»... когда только начинались совершаться межзвездные полеты, в космос в качестве разведчиков летали чуть ли не космические гостиницы: по меньшей мере там было не менее двадцати человек и соответствующее количество помещений. Все это в целом составляло предстартовую массу в пределах от тридцати до сорока тысяч тонн. Этакie колоссы, кото-

рые подобно современным базовым кораблям, строились в околоземном пространстве, и даже не было речи, чтобы какой-нибудь из них мог стартовать обычным способом с космодрома. Ну и в те времена даже начальные исследования, даже поверхностные по своей сути, должны были проводить группы специалистов. Сегодня же это же самое могут выполнить автоматы, соединенные с главной программой. Процент риска во время проведения исследований поверхности планет также значительно уменьшился. Если же даже что-то и случится, может погибнуть только автомат, а раньше в подобной ситуации погибал человек. Вылетало двадцать человек, а возвращалось только двое. А теперь этих двоих достаточно, чтобы выполнить задание. Если уж кто-то погибает, то погибает в космосе вместе со всем кораблем. В этом случае лучше, что погибнет только двос, а не двадцать человек... — Это было похоже немного на лекцию, и Перри наконец спохватился. — Ну, впрочем это же в конце концов известные данные из истории космонавтики. Ты знаешь их не хуже меня.

Торнтон вертел в руках стакан, раскачивая его из стороны в сторону; жидкость на дне стакана колебалась, плескалась между прозрачными стенками сосуда. Потом сказал:

— Наверное удивишься, но я о них ничего не знал.

— Ты, шутишь, Тор. Эти сведения получают на первом курсе любой Высшей Школы Космонавтики, точно так же как сведения о Земле. Я думаю, ты не хочешь меня убедить в том, что по истории полетов у тебя был минус, а то тебя бы сейчас здесь не было...

— Нет. Система, по которой меня обучали, была немного иной. Я только астробиологию изучал в обычном порядке. Космонавтику и космическую медицину я изучал в достаточно специфическом... учебном заведении, немного по другой, не такой как все обычные земные, программе.

— Ты получил еще третью профессию?

— Ну... да. Я думал, что ты знаешь об этом. Это же было условием со стороны Гэлэптик-Нэйви. Им нужен был человек, который в случае необходимости мог бы выполнять функции корабельного врача. Центр Космических Исследований со своей стороны требовал, чтобы второй член экипажа имел Нэйви, выбрали тебя, потому что... Знаешь, я конечно не совсем в этом уверен, но предполагаю, что здесь главную роль сыграла история на Альмагесте. После нее ты стал знаменитым. Немногие люди смогли бы в этой ситуации решиться на такое...

— Ох, это только со стороны так... героически выглядит. Ты даже не представляешь какой меня там охватывал страх.

— Представляю. Я видел контрольные ленты с твоего кораб-

ля. То есть — до того самого момента, когда ты треснул кулаком по аппаратуре... Перри, зачем ты это сделал? .

— Не знаю. В тот момент, вероятно, у меня было недостаточно времени, чтобы задуматься над тем, что я делаю... а потом... просто я уже не думал об этом. Они мне осточертели. Те, которые были на Земле, конечно. И они сами и их идиотские советы. Хотели, чтобы я возвращался.

— Знаешь, вся ситуация выглядела довольно безнадежной.

— Это для них. Но не для меня. Подобные события совершенно по-разному смотрятся на Земле, и там, на месте событий. Там уже никаких расчетов не проводишь, я вообще не думал, будут ли действия успешными или нет. Я только знал, что должен сделать все, что от меня зависит, сделать все до конца, каким бы он не был... Кроме этого... эти с Альмагеста были постоянно со мной на связи... Но что я им мог сказать? Что я отступаю, потому что уже подсчитали, что уже никаких шансов нет? Что я их бросаю на произвол судьбы, потому что те с Базы ни с того ни с сего испугались за мою ценную жизнь? — Замолчал и подозрительно посмотрел на Торнтона, словно бы только сейчас до него дошел смысл сказанного им самим. Оба молчали, а потом Перри спросил, чувствуя, что его голос стал каким-то напряженным, даже больше чем это было необходимо: — Хорошо, но откуда ты знаешь все эти подробности? Они же никому не предоставлялись. Рапорт комиссии также был с грифом особо секретно, Тор. Откуда ты можешь это знать..?

— Управление Космических Исследований имеет доступ ко многим секретным делам, Перри... — Внезапно замолчал, словно почувствовав, что и так уже слишком много сказал; не смотря на Перри, вновь начал крутить свой стакан в руках.

Прежнее недоверие друг к другу, как и на Земле, снова разделившее людей из Управления и Нэйви, совершенно бессмысленное здесь сейчас, на борту кружащегося вокруг чужой планеты звездолета, вдруг проснулось у Перри. Он стал говорить:

— Подожди... А ты еще до этого говорил, что система твоего обучения была какой-то совсем иной. Что ты закончил какое-то специфическое учебное заведение. Я впервые слышу о подобном. Это, наверное, было при Управлении Космических исследований?

— Да.

Он вдруг стал скуп на слова; видимо разговор касался одного из тех дел, о которых говорить не могли или не хотел. Стараясь изменить произведенное им впечатление, он стал быстро говорить, пытаясь казаться очень веселым:

— Это вовсе не означает того, что ты должен обязательно думать, что я при первой возможности постараюсь развалить «Редберд». — Белые зубы засверкали от быстрой, обычно так легко обезоруживающей Перри улыбкой... — Впрочем, я не такой уж плохой врач... В том учебном заведении особые усилия предлагали именно на практические знания.

«Я ничего о нем не знаю — подумал Перри, у которого все внутри похолодело. — Ничего о нем не знаю, как в тот первый день встречи, так и сейчас. — Он сидел прямо и неподвижно, глядя прямо перед собой и избегая хотя бы разок взглянуть на красивое лицо Торнтона. — Способности, приобретенные каким-то неизвестным образом, специально охраняемом для таких людей как он... Стражников? Работников Управления? — Первый раз после длительного перерыва он подумал о нем: «Стражник». Эти его умалчивания... Кто же он на самом деле — друг или соперник? В чем заключается его роль здесь, на борту «Редберда»? Или он всего лишь член экипажа, или же у него есть задание следить за мной, чтобы я не сделал ничего такого, что было бы невыгодным тем парням из Управления?» — Он все еще старался не смотреть на Торнтон; снова чувствовал к нему эту инстинктивную неприязнь, какую у него вызывал в первые дни вид зеленого треугольника, недоверие к нему, настолько неожиданное, вдруг в нем проснувшееся во время обычного ни к чему не обязывающего разговора о всем и ни о чем, какие они уже частенько вели в течение прошедших лет. «Два года — подумал. — Два года ежедневного общения с собой. Теоретически этого времени было вполне достаточно, чтобы все узнать о том, другом человеке, значит все, что можно от него ожидать... А вообще возможно ли когда-нибудь действительно по-настоящему узнать другого человека? Может быть не только лет, но и всей жизни для этого не хватит. Как же не хватает для того, чтобы познать самого себя, собственно, никогда до конца ничего о себе не знаешь точно... Тем более кого-то другого».

* * *

Теперь они молчали оба. Торнтон отставил от себя стакан и сел в соседнее кресло. Руки положил перед собой — смуглые и худые они ровно лежали на гладкой белого цвета приборной доске. Они сидели рядом друг с другом, почти касаясь плечами, и Перри вслушиваясь в спокойное равномерное дыхание Торнтон, (но все еще на него не глядя), с сожалением подумал, что отношения испорчены; прежнее непринужденное настроение перешло в молчание—тяжелое, настороженное, лежащее между ними как вполне осязаемая преграда. Торнтон повернул голову, и тогда Перри, с

нехотью, сделал то же самое. Смотрели некоторое время друг на друга, пока, наконец, тот, другой, не начал тихо:

— Послушай, Перри...

Но не закончил. Мощный удар потряхнул «Редберда», космолет завибрировал, весь задрожал — было ощущение, что врезались в невидимую преграду, эластичную, достаточно крепкую, способную нарушить прямую траекторию полета. Чудовищная сила расплатилась их на приборной доске, замутила сознание, сбила дыхание. Кружка с остатками кофе, налетевшая на экран, врезалась в бронированное стекло с таким горохотом, словно весила целую тонну черные брызги кофейной гущи разнесло по всей кабине. Перри инстинктивно схватился за рычаг управления. Корабль не реагировал, он был словно парализован, автопилот также не действовал, в дополнение автоматы выпустили в действие главные двигатели. Их несло к планете: ВХ-16 уже была видна на переднем экране. Все предметы, которые не были постоянно закреплены — бортовой журнал, звездный атлас, принесенный сюда кем-то из них, банка и стакан Торнтон полетели назад, сигнальные лампы тревоги пылали мигающим красным светом. Звуковой сигнал опасности врывался в уши пронзительным воем, заглушающим писк радиолокаторов. Прошло всего несколько секунд, хотя Перри все четко замечал, словно смотрел замедленный фильм; напряженные до предела нервы обостряли восприятие, он думал и реагировал так же значительно быстрее.

— Ремни! — крикнул Торнтон. Не теряя времени на проверку того, выполнил тот его команду или нет, потянул рычаг ракетных двигателей. — Они даже не двинулись с места, вероятно их заклинило, их крепко держали захваты. Он безуспешно их дергал; наконец, поняв, что не может использовать ракеты для выправления полета «Редберда», он сделал единственное, что можно было сделать — отключил главную тягу. Не было необходимости смотреть на показания приборов — о выключении тяги свидетельствовала сразу же наступившая невесомость; он взлетел вверх на такую высоту, на которую позволили ремни, их сопротивление бросило его назад в кресло. Лишенный тяги корабль, по кривой линии летел к ВХ-16, просто на нее падал — траектограф чертил линию этого их смертельного полета. На диске альтиметра в бешеном темпе мигали в сторону уменьшения цифры; со скоростью 6,9 км/сек. они неслись, чтобы столкнуться с планетой. А Перри был беспомощен — для торможения, как и для любого маневра кораблем необходима была мощь всех ракетных двигателей.

Но он продолжал бороться дальше — он к этому был приучен, да и не мог поступать иначе: он нес ответственность не только за

себя, за корабль, но и за своего товарища. Он по-прежнему пытался освободить рычаги от захватов. О что-то ударился, даже не знал обо что, рот был полон крови. Тревожные световые сигналы по-прежнему мигали, popisывание радиолокаторов уже перешло в пронзительный свист, сквозь который прорывался вой звукового сигнала тревоги. Перри стиснул зубы, бросился всем телом на рычаги. Рванул их обеими руками. На этот раз удалось: двигатели в унисон взвыли на полную мощь, сила притяжения их обоих втиснула в кресла.

Корабль весь вибрировал, словно вот-вот должен был разлететься на мелкие кусочки — вся энергия плазменной тяги была направлена на торможение. Но они уже были близки к поверхности планеты, чертовски близки — альтиметр показывал высоту в сто шестьдесят километров; не успеют затормозить... Через несколько минут «Редберд» ворвется в атмосферу планеты, при такой скорости защитного покрытия корабля не надолго хватит — ведь даже фенопласт, усиленный стекловолокном в конце концов может выдержать только 1500 килокалорий... Никто из них не доживет до той минуты, когда пылающий от трения об атмосферу нос космолета врежется в грунт планеты, заканчивая тем самым свое падение с высоты тысячи метров. Они от жары погибнут значительно раньше.

У него было очень мало времени, но он уже спокойно думал, почти без эмоций. Теоретически из этой ситуации было два выхода. Он мог включить двигатель главной тяги и, маневрируя боковыми ракетными двигателями, сделать кораблем крутой вираж, с наиболее острым углом, и отскочить от планеты, а затем уже, находясь на соответствующей высоте, вновь начать торможение. Либо, не делая этого крутого виража, поднять вверх «Редберд» на столько, чтобы стало возможным пойти на риск и войти в атмосферу, используя при этом аэродинамическое торможение. Именно — пойти на риск... Шансов того, что это удастся было очень мало. «Это бесполезно — подумал Перри. — Это возможно только не при такой скорости и при таком угле входа в атмосферу». Следовательно, у него осталась только единственная та первая возможность.

Он включил оба боковых корректирующих двигателя на полную мощь. Он сразу же почувствовал ускорение; кресло закрипело под увеличивающейся массой его тела, амортизаторы проседали. Стрелка акселерометра поползла вверх: уже было три с половиной g , но этого было все еще мало. Он довел до четырех, четырех с половиной, пяти, пяти с половиной — в глазах у него темнело,

кровь отливала от глаз. Он хотел взглянуть на альтиметр — не мог пошевелить головой, почти уже ослеп. «Торнтон — подумал. — Он наверно еще бы мог разглядеть». Но за пультом управления сейчас был он сам, а не Торнтон.

— Сто двадцать девять, сто двадцать пять... — услышал он голос, пробивающийся к нему сквозь шум пульсирующей его крови. Это тот считывал показания альтиметра, стараясь перекрыть двигатель и вой бортовых устройств. Этот голос привел Перри в чувство; теперь он постарался удержать рычаги. На нем не было костюма компенсирующего воздействие перегрузок, и поэтому кровь вся перемешалась с нижними частями тела: ноги словно были налиты свинцом, ощущал давление под ребрами, на него навалились приступы тошноты. Начал задыхаться, шум в ушах заглушал не только голос Торнтона, но и работу двигателей, и рука сама, непроизвольно, сползла с рукоятки рычага.

Давящий на него вес уменьшился, было уже не более трех с половиной г. Он снова видел все окружающее; посмотрел на траектограф. Этих шесть г, которые были минуту назад, оказалось недостаточно. Хотя правда это и изменило траекторию их полета, но ненамного. Он должен увеличить скорость, создать постоянное ускорение порядка десяти, двенадцати г. Только тогда удастся сделать разворот. Но это уже самоубийство. Никто не выживет при таких сумасшедших ускорениях. Разве никто? Торнтон их выдержит, мелькнула словно чья-то чужая мысль у него в голове, — Следовательно, по крайней мере он...».

Возможно, что если бы смог удержать шесть г еще какое-то время («а как долго?» — подумал), мог бы наверно осуществить плавный вход в атмосферу. Но в этом он не был так уж уверен. Должен был бы все это рассчитать. Дать задание бортовым вычислительным машинам проанализировать решение этой задачи. Но было слишком мало времени, а даже самой быстрой машине оно всегда хоть чуточку необходимо. И во второй раз он отказался от этой возможности.

Примерно секунды две он сидел совершенно неподвижно. А может и три секунды. Он знал что сделает: посредине шкалы, точно между черным указателем «ноль» и надписью «фул», поблескивала свинцовая пломба, предохраняющая от неосторожного увеличения ускорения, которое может быть опасным для жизни. Эту пломбу он должен сорвать. А затем, мгновенно, прежде чем его оглушит и ослепит боль лопающихся кровеносных сосудов, установить рычаг на соответствующей цифре. «Двенадцать — мысленно сказал он сам для себя, желая ее запомнить настолько крепко, что когда будет терять сознание, не сделать ошибки. —

А дальше уже сам Торнтон будет управлять «Редбердом».

— Сто одиннадцать, сто восемь... — неумолимо выкрикивал Торнтон — девяносто девять...

Они уже были довольно близки, но сейчас это не имело никакого значения. Перри навалился на рычаги. «Двенадцать» — дал наказ он себе еще раз, видя как указатель движется по шкале. Потом ускорение вновь навалилось на него.

Он уже срывал пломбу, когда почувствовал (видеть он уже был не в состоянии, придавленный все более и более увеличивающейся массой собственного тела), что что-то задерживает его руки и тянет их вниз. Раздавливающий его вес постепенно стал отступать; сквозь серый туман он начал замечать размазанные контуры предметов, и первое, что он увидел действительно очень четко — это руки Торнтона. Смуглые и худые руки, сжимали его собственные с такой силой, что сквозь натянутую кожу белели суставы пальцев. Попробовал вырваться. Те руки были как клешни. Торнтон удерживал его с такой силой, о наличии которой у него едва ли можно было догадаться. Они боролись в молчании, стиснув зубы, задыхаясь и обливаясь потом, который эти четыре—пять г, несмотря ни на что удерживаемые Перри, выжимали из их тел. Торнтон с усилием дышал — чтобы достать Перри он вынужден был всем телом согнуться в кресле, навалиться грудью на приборную доску, натянув удерживающие его ремни, которыми он был пристегнут к креслу; его быстрое дыхание щекотало щеку Перри. Он хотел крикнуть: «С ума сошел? Это же наш единственный шанс!». Но не крикнул. Возле своего лица увидел глаза Торнтона, на этот раз совершенно серебрянные, как ртуть, и глядя в их сверкание как на блеск металла, понял, что тот также об этом знает. И что этот шанс, который обеспечивал спасение только ему одному, он отбрасывает.

Перестал вырываться; впрочем и время было уже упущено — они уже входили в атмосферу. Перед ними мелькали белые облачка пара, расталкиваемые в разные стороны и разрывающиеся на мелкие полоски носом «Редберда», прибор температуры покрытия показывал 900 — происходило нагревание в результате трения, красная стрелка ползла к критической цифре. Перри подумал: «Сейчас броня начнет расползаться». Но с другой стороны трение снижало их скорость.

Уменьшив тягу главного двигателя (Торнтон отпустил его с минуту назад) и продолжал бороться за эту неопределенную возможность, которую совсем недавно не хотел принимать во внимание, старался затормозить, изменить угол входа в атмосферу; маневрирование ракетными двигателями, аэродинамическая защи-

та, парашюты — все что можно. Огромные белые куски материй появлялись за кормой в виде шара, мгновенно превращаясь в пылающие лохмотья — все попытки были бессмысленными, да и все то, что он предпринимал, было бессмысленным. В любую минуту вся термодинамическая защита могла полететь ко всем чертям, в кабине воцарилась прямо-таки тропическая жара, хотя все кондиционеры работали на полную мощь. Термометр показывал температуру снаружи в порядке сорока градусов, по ним струями бежал пот. Корабль вибрировал, в любую секунду мог завалиться в сторону от траектории полета. Несмотря на ремни безопасности их сильно бросало из стороны в сторону, разбитые губы Перри вновь начали кровоточить — он все время чувствовал вкус крови. Но постепенно, очень медленно в траектографе кривая линия их полета все больше и больше выравнивалась. «Если мы выдержим... Если корабль выдержит...».

— Скорость 3,1; высота семьдесят четыре — докладывал сдавленным голосом Торнтон. Ему тоже похоже досталось, в кресле его бросало не меньше чем Перри, — скорость 2,9, высота без изменений, семьдесят четыре, помехи ноль. Помехи один, помехи один с половиной...

Включил торможение. ВХ-16 вновь была сбоку, медленно проплывая вдоль кормы. Космолет начал подниматься вверх. «Если корабль еще немного выдержит...» — подумал во второй раз с возрастающей надеждой. Торнтон вглядывался в траектограф, наклонившись вперед, не чувствуя того, что все сильнее и сильнее непроизвольно он сжимает пальцы на рычагах. Прошла минута, прежде чем решился посмотреть в экран перед собой. В нем ясно светились звезды.

— Семьдесят четыре, помехи пять, семьдесят пять... Семьдесят восемь... Восемьдесят...

Они все поднимались вверх, вышли уже из атмосферы. Чувствуя по-прежнему во рту металлический вкус крови, Перри подумал, что все-таки удалось. Он выравнял полет «Редберда», корабль теперь шел по какой-то первой попавшейся орбите, похоже было, что во всяком случае сейчас не будет никаких новых неожиданностей. Перри наконец-то мог теперь убрать одеревеневшие руки с рычагов.

С минуту сидел совершенно неподвижно. Он не знал, сколько времени уже он сидит так расслабившись, неспособный сделать никакого движения, дать какую-либо команду, ощущая на теле прохладу от пота, испаряющегося в холодящих потоках воздуха, которыми наполняли помещение кондиционеры, не более нескольких секунд, хотя ему казалось, что времени прошло значительно

больше. Наконец качнул головой. Обратился к Торнтону, стараясь четко выговорить каждое слово, несмотря на то, что у него были разбиты губы:

— Корабль частично исправен. Я не хочу рисковать и оставаться на орбите. Начинаю производить посадку. Двадцать часов осталось до периода времени указанного в программе.

Он знал, что сейчас его ждет работа, а ее у него было больше чем достаточно, и еще ему надо будет осуществить посадку с неработающим автоматом. Но это его уже не пугало и было для него неожиданным.

Он вложил в счетные машины данные их полета и стал ждать, наконец-то он мог теперь себе позволить посидеть спокойно, пока перфорированная лента не начала выползть из плоской кассеты. Торнтон наклонился, чтобы ее взять, включил переключатель считывающего аппарата. На темном узком экране загорелись желтого цвета цифры. «Однако, он быстрый парень — подумал Перри. — Порядок. В таком случае я не должен заниматься расчетами». Поручил тому:

— Рассчитай коридор входа в атмосферу.

Торнтон вновь склонился над клавишами машины, светящиеся цифры сменяли друг друга в сумасшедшем темпе. Они оба были в ожидании, всматриваясь в это беспокойное сверканье, снова ползли рулоны ленты. Через минуту тот начал докладывать:

— Угол восемнадцать градусов, высота от девяноста до пятидесяти. Ускорение достигнет первого уровня, помехи шесть четыре на высоте сорока восьми километров. Подъем на высоту пятидесяти—пятидесяти трех километров, второй уровень перегрузок при повторном вхождении в атмосферу — помехи шесть один на высоте двадцати...

— Порядок. Кислородные маски, скафандры компенсирующие перегрузки. Через десять минут начинаем маневрирование. Автопилот неисправен, управлять кораблем буду я сам.

— О'кей. — Торнтон отстегнул ремни, и поднялся на ноги. У него было всего несколько минут, чтобы встать и привести для них обоих скафандры. При этом, с неизменной своей улыбкой, бросил: — Ну, капитан, оказывается и сейчас не все могут сделать автоматы...

Словно и ничего не случилось, как-будто бы происшествие с кораблем и не прерывало их предыдущий разговор... И словно бы и не было той минуты, когда они оба боролись возле пульта управления... Перри почувствовал, что его захлестывает волна благодарности за это молчание, за несколько насмешливую тактичность. Он подумал, что раз уж из всего человечества только один

Человек стал его спутником по экспедиции, то очень здорово, что этим человеком оказался именно Торнтон...

— Поторопись, Тор, — сказал он. — Ты будешь мне помогать, сообщать вслух показания приборов. Сможешь?

— При перегрузках порядка шести с половиной? Ты же знаешь, что смогу.

* * *

На этот раз все происходило как обычно, полностью контролируемый спуск на планету, нормальная работа, только на не совсем исправном корабле. Но с подобным Перри уже сталкивался, всякое бывало во всех тех полетах, в которых он участвовал, будучи на службе в Нэйви.

Они летели без ускорений, на второй космической скорости. На высоте девяносто километров Перри начал торможение, используя воздействие аэродинамических сил. Когда Торнтон сообщил, что уже достигли пятидесяти трех километров, поднял корабль, начиная второй этап входа в атмосферу. Поверхность корабля вновь начала разогреваться, поэтому ему пришлось все свое внимание обратить на постоянные изменения месторасположения космолета, только таким образом он мог регулировать направление полета корабля и величину сил воздействующих на корабль, удерживать температуру и уровень перегрузок в безопасных границах. Находясь до предела в напряженном состоянии, почти лежа на пульте управления, он почти всем своим телом вслушивался в работу корабля. Даже самое легкое вздрагивание, самая слабая вибрация, секундный сбой в ритме работы любого из двигателей не могли бы уйти от его сосредоточенного внимания. Он был почти неотъемлемой частью «Редберда». Он всматривался в экраны и мелькающие перед его глазами огоньки приборов с такой частотой, что в глазах у него начинало все прыгать. ВХ-16 давно уже закрывала передние экраны. Сейчас уже были различимы не только контуры материков и морей, видны были линии плавно поднимающихся вверх возвышенностей, расстилающиеся на огромных пространствах ровные поверхности низин, рваные цепочки скал.

— Восемнадцать... Семнадцать с половиной... — Торнтон считал километры, отделяющие их от поверхности планеты. Они использовали для корабля всего одну тысячную часть мощности его двигателей. Приходилось повышать голос, чтобы быть услышанным сквозь рев двигателей, треск и писк радиоэфира, которые стали наполнять рубку с того момента, когда космолет вошел в атмосферу. — Семнадцать... шестнадцать с половиной...

Все длиннее и длиннее были паузы между сообщаемыми цифрами, произносимые слегка хрипловатым голосом. Перри на мгновение оторвал взгляд от светящихся стрелок приборов и посмотрел на своего товарища. Он выглядел уставшим, но спокойным, хотя видимо он участвует в такой операции по посадке корабля на поверхность планеты впервые. Дал команду:

— Приготовить осветительные приборы.

На высоте пяти тысяч метров они пересекли терминатор, ныряя в тень ночного полушария планеты. Свет ее звезды потускнел, стал рассеянным, голубовато-фиолетовым. И сразу же планета, лежащая под ними, погрузилась в темноту, казавшуюся еще более непроницаемой из-за контрастирующего с ней ослепляюще белым, как расплавленный металл, столбом огня, бьющего в темноту из сопл. космолета.

— Высота три тысячи метров — докладывал Торнтон — Скорость сто восемьдесят...

— Ладно. Посвети-ка мне теперь.

Тот выполнил приказ. Некоторое время собственно ничего не происходило. Перри пытался вспомнить с какой задержкой срабатывают запальные устройства. Потом, далеко внизу, загорелись три яркие точки. В мягком свете опускающихся светильных приборов Перри увидел широкое, ошетилившееся скалами, плато, простирающееся до линии горизонта. Он вздохнул. Могло быть значительно хуже. Под ними могло оказаться море или зыбучие пески, способные поглотить космолет, болота, которые могли бы его засосать...

— Тысяча восемьсот метров.

Положив руки на оба рычага, Перри вслушивался в голос, объявляющий цифры в сторону уменьшения. Ему казалось, что высота уменьшается слишком медленно. Время страшно долго тянулось.

— Тысяча четыреста пятьдесят...

Погасли красные огни, только сейчас замолчал сигнал, предупреждающий об опасности. Все еще очень медленно текло время, монотонно отмеряемое спокойным голосом Торнтон, но скоро все это закончится, через минуту произведут посадку на краю плоскогорья, на месте достаточно подходящем для посадки. Услышав «тысяча сто метров», Перри внутренне весь напрягся, ожидая очередных данных, а затем, прежде чем Торнтон их произнес, почти в ту же самую минуту словно существовала какая-то невидимая связь с тем человеком, сделал движение, которое делали тысячи, нет, пожалуй, десятки тысяч раз на многих чужих планетах, на Земле и до них, во время трехлетнего обучения. — Движение, ко-

торое стало таким же неосознанным как дыхание. И делая это движение в этот раз, он чувствовал острую сухость во рту, мысленно надеясь: «Только бы сейчас не было никаких фокусов», заклиная, стараясь мысленно заставить слушаться его восемнадцать тысяч тонн общего веса управляемого им космолета. И тогда он почувствовал знакомое ему, легкое дрожание пробегающее вдоль корпуса «Редберда» мягко, почти нежно.

— Порядок, капитан. Мы стоим на пламени.

Столб огня бушевал под ними, постепенно уменьшаясь. Затухающее пламя, словно бы придавливала тяжесть опирающегося на него «Редберда». Перри заметил с левой стороны глыбы скал, с острыми, как лезвие клинка ножа, гранями, вертикальными стенами и рваными перемычками. Еще чуть-чуть и эти обрывы оказались бы под ними. Они производили посадку на самом краю пустого плоскогорья. Огромные скальные блоки разлетались в разные стороны, грунт от жары размягчался.

— Четыреста восемьдесят...

— Уменьшаю — объявил Перри.

Он сдвинул рычаги с места, начали спускаться несколько быстрее. Это продолжалось некоторое время, затем корабль затрясло, он немного приостановился, скорость вновь стала нормальной. Глубокий бас двигателей немного поубавился, теперь Торнтон мог понизить голос:

— Двести тридцать... двести двадцать... двести десят метров до поверхности. Двести...

— Амортизаторы — сказал Перри. Но мог бы и не говорить, потому что тот уже сам их включил, прежде чем прозвучал приказ. Зеленые лампочки мигали некоторое время, а затем засветились ровным спокойным светом.

— Сто десять.

Все что произошло с той самой минуты, когда какая-то неизвестная сила столкнула их с орбиты, длилось не более часа, хотя Перри казалось, что прошло очень много времени. «Редберд» завис прямо над поверхностью, и Перри очень четко представил себе, как огромный серебристый корабль с торчащими готовыми к соприкосновению с поверхностью лапами амортизаторов, коснется каменистой почвы планеты. Услышав «двадцать», он переключил реакторы на холостой ход работы. Двигатели замолчали и голос Торнтона показался излишне громким. «Редберда» поддерживала только слегка прогибающаяся под ним подушка сжатого воздуха. С каким-то вздохом, пронизавшим всю гигантскую постройку корабля, космолет заметно быстро опустился вниз, и Перри ожидающий этого, физически почувствовал как его охватило беспокойство,

острый болезненный спазм между ребрами, под грудной костью. Корабль слегка вздрогнул, чуть-чуть качнулся из стороны в сторону, пилот задержал дыхание, находясь в напряжении и в ожидании. Но ничего не случилось, так показали индикаторы всех приборов, словно их все смахнул с пульта кто-то своей невидимой рукой.

— Ноль — доложил Торнтон. Он тяжело и часто дышал.

Они неподвижно сидели в неожиданно наступившей тишине, и Перри почувствовал только сейчас, как струйки пота текут по всему телу, хотя в рубке было довольно холодно. Рубашка липла к спине, под мышками были мокрые круги, шкочащие струйки сбегали вниз по лицу. Он поднял руку, чтобы вытереть пот и удивленно уставился на свою ладонь. Она дрожала. Он неподвижно сидел, растерянно смотря на собственные трясущиеся пальцы, чувствуя, что у него точно также, словно дрожащей руки было недостаточно, начинает подергиваться мышца левой щеки и он ничего с этим не мог поделать. А затем мелкая дрожь охватила все тело. Он продолжал так сидеть, обалдевший и неспособный сдвинуться с места, мучимый этой непрекращающейся мелкой дрожью, проклиная в каком-то мрачном беспамятстве про себя всех и вся, не направляя их особенно по чьему-либо конкретному адресу. Себя, Торнтон, «Редберда», эту планету, а также Гэлэктик-Нэйви, Управление Космических исследований, МакАллистера и всех тех, кто остался на Земле, которые наверно уже давно умерли, так как с момента старта прошло уже там девяносто лет. Собственно он проклинали их без всякой на то причины, лишь только потому, что имевшее у него место напряжение, должно было как-то быть разряжено. А затем прекратил, почти также неожиданно, как и начал, и вновь неподвижно торчал, уперев руки о потухший пульт, которые уже не дрожали только потому, что он сильно давил на пульт.

Он медленно повернул голову и стал смотреть на Торнтон. Как и ожидал, у того на лице не было даже малейших следов волнения или нервозности, тот был, как всегда, спокоен и сосредоточен.

— Та утечка — сказал медленно. Он не делал никаких движений, сидел в своем кресле прямо, был серьезным и выглядел как-то очень по деловому. — Это я виноват, Перри.. Я должен был тогда тебя разбудить.

— Нет. — Перри также спокойно говорил, они оба совершенно произвольно понижали голоса — в этой мертвой тишине каждый звук казался очень сильным. Это не утечка. У автопилота нет никаких частей, которые могли бы повредить радиоактивное излуче-

ние. Теоретически нет никаких частей, которые могли бы испортиться. Ну что ж, проверим. Через два, самое большее три часа можно будет отправить наружу ремонтные автоматы. Хотя это вовсе не означает, что мы узнаем, каков из внешних воздействий стало причиной аварии... Принимая во внимание, что это произошло именно из-за такого воздействия... Это же не Земля и не какая-то там планета Солнечной Системы, там мы как-то знаем их условия, по крайней мере как нам кажется... А здесь мы слепы, как только что родившиеся щенки... — замолчал, устыдившись собственной разговорчивости. Поднял руку, посмотрел на нее внимательно, она уже не дрожала. Произнес, стараясь, чтобы его слова прозвучали, как шутка: — Но мы, по крайней мере, опередили программу. Почти на целые сутки...

— Знаешь, Перри, я не думал, что можно произвести посадку на корабле, лишенном автоматического управления...

Он смотрел на него с признанием, и от мысли, что у него могло появиться желание каким-то образом выразить это, сказал. «А ты нормальный парень» или что-то в этом роде. Перри всего передернуло — хвалить за то, что является обязанностью человека, может каким-то образом стать оскорблением. Но Торнтон молчал. Перри, увидел, что улыбается — неожиданно, быстро, и пожалуй, понимающе.

— Спасибо, Тор. — Не знал, за что собственно его благодарит за то, что молчал, или же за помощь при чтении показателей во время полета. А может быть за что-то большее. Перри, все еще сидя неподвижно и вглядываясь в эту, знакомую улыбку Торнтонна, вдруг неожиданно и ясно вспомнил то прошедшее мгновение, серые глаза возле своего лица, руки упрямо сдерживающие его собственные руки — движения, рефлекс, благодаря которым он остался жив... Дышалось легко и спокойно, выдыхаемый им воздух беззвучно растворялся в кондиционируемом воздухе кабины. Так поступает друг, а не противник. Если и оставались у него какие-то сомнения, тень той прежней неприязни, то теперь он их отбросил раз и навсегда. Того мгновения хватило, чтобы он узнал о своем спутнике больше, чем за эти два года изоляции в этом тесном пространстве «Редберда» и восемь месяцев, совместно проведенных в Центре Космической Медицины. А то, что он узнал, означало, что он ему может полностью доверять.

И когда, размышляя над этим, он почувствовал неожиданное, радостное облегчение, осознал, что он не только может, но и хочет ему верить, и этот вывод его удивил и изумил его. Слишком долгое время он был одинок, везде чужой, представленный сам себе, слишком долгое время учился полагаться только на самого

себя, чтобы эти изменения, происшедшие с ним, не были чем-то необычным. «Может быть никто, ни один человек, не сможет переносить этого так долго — думал он. — И может быть всегда приходит минута, когда надо учиться доверять другому человеку. Поэтому со мной это и произошло».

В кабине стояла тишина. В этой тишине слегка был слышен негромкий звон быстро остывающего корпуса корабля.

— Через три часа уже можно будет открыть ракетный шлюз — сказал Перри, чтобы прервать затянувшееся молчание. — Направим телевизионные ракеты, надо закончить обследование. У нас нет телесметрических результатов, а без них мы не можем покинуть космолет.

— Порядок, сейчас я это сделаю. Ракеты с системами фототелевизионными, панорамные снимки поверхности планеты, снимки в инфракрасных лучах. Что еще?

— Пока этого будет достаточно. Если результаты не будут негативными, то с завтрашнего дня приступим ко второй части программы. Я предлагаю разделить между нами работу, которую мы должны будем выполнить. Ты будешь контролировать исследования по установлению наличия здесь жизни и на каком уровне развития она находится в данный момент. Я возьму на себя меры по установлению места нахождения источника посылаемых сигналов.

— Предполагаешь, что эти оба дела не имеют между собой ничего общего?

— Не исключаю этого. Возможно на планете существует высокоразвитая цивилизация, а эти сигналы передают ее создатели. Хотя возможно происхождение сигналов совсем иное.

Посмотрел на боковой экран, на дикий горный пейзаж. Ограничивающие плоскогорье цепочки скал были хорошо видимы, несмотря на ночную темноту, так как именно сейчас восходила одна из двух лун планеты — светящийся резким ртутным блеском гигант. В ее сверкающем свете расположенные неподалеку россыпи здоровенных камней имели особенно безжизненный и мрачный вид.

— Меня одно беспокоит, — понизил голос Перри, — во время посадки мы не заметили ничего, что свидетельствовало бы о цивилизации, созданной на этой планете... Никаких приспособлений, построек. Ничего такого, что могло бы, хотя бы отдаленно, свидетельствовать о разумной деятельности. Можно сказать, что мы не все заметили... Но по крайней мере мы могли обратить внимание на какие-нибудь их города, населенные пункты, которые всякие мыслящие существа должны, пожалуй, строить. В которых сосредоточе-

ны их наука, промышленность, техника — в самом широком смысле этих понятий.

Торнтон наклонил голову, и у Перри появилось впечатление, что он приглядывается к нему более внимательно, чем когда-либо раньше.

— Ты все время мыслишь земными категориями, Перри. При-знаю, что биофизические условия здесь похожи на наши, и даже здесь могла образоваться белковая жизнь, аналогичная одной из планет Солнечной Системы. А также и могло в процессе эволюции достигнуть уровня земного Гомо Сапиенс, даже поднять на более высокую ступень. Но это одна вероятность на тысячу. Когда говорят: «Контакт с другой цивилизацией», то человек представляет это себе немного на свой лад, отыскивая только явления ему известные. Но ведь бывает же явления ни с чем несравнимые. Это их цивилизация может быть вообще непохожей на все то, что мы себе даже представляем. Может быть у них нет необходимости в наличии городов или центров подобного типа. Или же вследствие ряда нам еще неизвестных причин — эти их центры расположены под поверхностью планеты. А может быть «они», скажем, ну, размером не больше муравьев, и весь их город мог поместиться здесь, в кабине, где пульт управления. Тогда мы не могли их заметить с борта «Редберда».

Он на некоторое мгновение замолчал, посмотрел на экран. Потом закончил:

— Впрочем мы могли попасть на какую-нибудь из их пустынь, на незаселенную территорию, на которой даже не ведется никакая хозяйственная деятельность. А тогда всевозможные выводы, сделанные на основе тех первых наблюдений, точно также будут ложными. Это выглядело бы примерно так же, как если бы кто-то приземлился бы в первом веке космической эры — двадцатом, если предпочитаешь традиционный подсчет времени, например, в пустыне Гоби или на территории Сахары, захотел сделать вывод о Земле на основе своих первых наблюдений...

Он оторвал взгляд от пейзажа на экране и сказал как-то тепло, почти душевно:

— Впрочем, половина сомнений будет развеяно после проведения телеметрических фототелевизионных исследований планеты. На фотопластинах, при отсутствии на них зернистости, мы можем получить увеличенные изображения предметов, которые размером всего в несколько сантиметров. Следы деятельности разумных существ, а скорее всего они существуют, раз кто-то передавал эти сигналы, не останутся незамеченными.

Он развернулся вместе с креслом и, сядя спиной к светящейся холодной ртутным светом луне ВХ-16 на экране, начал расстегивать ремни. Встал, легко потянулся, расслабленный, беззаботный. Остановившись посреди кабины, потолка которой он почти касался головой, сказал со своей обычной нерастраченной энергией:

— Пойду в лабораторию. Хочу проверить, все ли там уцелело. А потом, как мы договорились, я займусь телеметрическими измерениями. Будут еще какие-нибудь поручения?

— Нет, это все. У тебя и так будет море работы, Тор. Тебе помочь?

— Не надо, Перри. Сам справлюсь.

IV

— По-прежнему ничего, Тор?

Стоя в проходе, Перри смотрел как тот помещает новую пробу под объективом электронного микроскопа. В белом халате, склонившийся над окуляром, Торнтон казался совершенно чужим. Ранее как-то даже и не вспоминалось, что он астробиолог, опытный прошедший старую школу Форета и Риттера, а как-то странно он выглядел сейчас, полностью поглощенный проводимым опытом. Вся лаборатория носила следы проводимых исследований, стеклянные пластинки, пробирки и колбы находились везде — на столе, в шкафах, в раковине слива отходов, даже на полу. Этот балаган был очень неожиданным у Торнтона, так сильно любящего порядок. Он убрал предметное стекло из-под микроскопа и положил его на кучу, где были свалены другие стекла, наконец, выпрямился.

— Ничего.

Они уже три недели искали следы жизни. И уже не разумных существ, а вообще какой-нибудь жизни. Найти хотя бы самые примитивные растения или примитивных животных, надеясь, что может быть найдут на самый крайний случай колонии живой плазмы подобные колониям Системы Веги, зародыши подобные проционовским, или же «живую» кремневоколлоидную пленку, которую обнаружил Аркона за пять лет до их отлета в оранжевых морях Четвертой тау Кита. Их сейчас удовлетворила бы малейшая частичка жизни, самая простейшая ее форма, самая маленькая песчинка находящаяся на уровне земной бактерии. След того, что жизнь — если не сейчас, то хотя бы когда-нибудь существовала. След в виде окаменелости, зародыша или остатков какой-нибудь местной плесени. Но ничего им не попадалось. Три недели Торнтон брал пробы, откуда только их можно было взять, с поверхности и глубин вод, из воздуха и ледников, расположенных на самых высоких вершинах гор, даже из глубоких слоев коры планеты. Он их уже

взял в количестве нескольких тысяч. Но все безрезультатно. Абсолютно безрезультатно. ВХ-16 была абсолютно мертвой планетой. Таков был окончательный вывод, сделанный на основании всех исследований проведенных до этой поры, проводимых как при помощи самых чувствительных приборов исследовательской аппаратуры, находящейся на борту «Редберда», так и при помощи визуальных наблюдений Торнтон и Перри, которые они проводили во время своих многочисленных походов по поверхности планеты.

Светло-зеленое свечение проникало сквозь иллюминаторы. Похожее на огромное зеленое солнце Регулус стояла точно в Зените, приближался полдень тридцати восьми часового дня на ВХ-16. В мягком рассеянном блеске серебристо-серые изломы скал казалось фосфоризировали каким-то своим внутренним светом. Их контуры были расплывчатыми, точно также, как выглядят предметы в морской глубине на Земле. Серо-зеленое небо, похожее на водную поверхность, видимое ныряльщикам снизу из-под воды, усиливало это впечатление. Тени неподвижно лежали, они были черны, как неизмеримые озера, но этот контраст не раздражал, не бил болезненно в глаза даже тогда, когда плоскогорье вокруг космолета заливал ослепительный ртутный свет, исходящий от наибольшей по размерам луны, у планеты было их две. Торнтон присел на край стола и повернул голову. Темно-зеленый луч света скользнул по его гладко выбритой щеке.

— Здесь вообще никогда, Перри, не было жизни, — сказал он, и по звучанию его голоса не чувствовалось, что он этим был разочарован. — Нет ее сейчас, и никогда она здесь не появлялась.

— Ты в этом абсолютно уверен?

— Абсолютно.

Они снова замолчали на некоторое время. Небольшой лабораторный робот втиснулся в помещение, а затем четкими точными движениями начал убирать эти стеклянные завалы. Перри осознал, что этот невероятный балаган Торнтон устроил всего за каких-то полдня. Автомат практически постоянно здесь находился и, вероятно, каждый день наводил в лаборатории порядок, раскладывая все предметы по своим местам.

Спокойная суeta робота начала без каких-то видимых причин раздражать. Сказал нетерпеливо:

— Оставь все на месте. Потом.

Автомат не реагировал. Примерно прошла минута, а то и больше, прежде чем Перри понял, что команду необходимо было дать, обращаясь непосредственно к роботу, четко ее сформулировав. Тогда он сказал:

— Автомат, стоп. — И когда тот остановился, повторил команду под удивленный, как ему, во всяком случае, показалось, взглядом серых глаз Торнтона.

— Он мне мешал — как бы оправдываясь, пробормотал Перри, хотя тот никаких вопросов ему не задавал.

Прошелся по кабине, ее по-прежнему наполнял зеленый блеск, превращая окружающие предметы в какие-то нереальные объекты, создавая иллюзию подводного мира, словно это был театр сна, в котором слова и действия не имели никакого значения. Снова остановился в проходе и начал говорить, словно недостаточно этот вопрос был рассмотрен.

— Значит, здесь едва ли появлялись разумные существа... — Он вдруг почувствовал себя уставшим, провел ладонью по лицу. Сделал полшага вперед, приостановился. Он задал вопрос с какой-то неясной надеждой, бессмысленной исходя из того, что он видел на этой планете, что он слышал не так давно. — А эти сигналы, Тор? Они прекратились сразу же, как только мы вошли на орбиту... Сигналы в диапазоне межзвездного водорода, полученные Управлением Космических Исследований... Ведь только поэтому сюда был направлен «Редберд». Не какой-то наблюдатель, не очередной космический зонд, а корабль с экипажем. Несмотря на то, что риск был в три раза больше, чем допустимо... Это скорее всего означает, что эти сигналы, по крайней мере некоторую их часть, удалось вам расшифровать. Обнаружить в них что-то, что подтверждает их искусственное происхождение. Скажи, что в них было такого, что Космический Совет согласился перешагнуть через правила безопасности? Ты же должен это знать... Торнтон?

Он не спрашивал, умолял, разозленный на самого себя за этот просительный тон, который слышал в собственном голосе. На себя, за то, что говорит это все, и на Торнтона, который слышит каким образом он произносит слова, вопреки всякой здоровой логике — так, словно какие-то сигналы могли изменить то, в чем они уже не сомневались: ЭТО — МЕРТВАЯ ПЛАНЕТА. Торнтон отвернулся, не глядя на Перри, а уставившись в иллюминатор, отвечал:

— Ты прав, там, на Земле, мы были почти уверены, что понимаем частично эти сигналы. Но можно же и ошибаться... На этой планете никогда не было жизни — терпеливо повторял он, словно перед ним был упрямый ребенок. — А тем более разумных существ. Ты же об этом также хорошо знаешь, не хуже меня: ты просмотрел километры киноплёнки, у тебя есть фотографии почти всей поверхности ВХ-16... И нигде не видно было никаких следов, которые бы могли быть свидетельством сознательной деятельности... — замолчал на какое-то мгновение, чтобы глубоко вздох-

нуть. — Эти сигналы... У них мог быть совершенно иной источник. Благодаря нашей экспедиции теперь доказано, что передавала их не внеземная цивилизация, а отрицательный результат — это тоже результат. Бывает же так, что люди подгоняют факты под гипотезы. Точно так было и с этой планетой. Теперь по крайней мере мы знаем, и знаем точно, что вообще не существовало никакой вероятности Контакта...

— А, может — Перри возвращался к этим сигналам, с тупым упрямством, которое у него самого вызывало отвращение, — может быть их передавали пришельцы с других планет? Существа, для которых ВХ-16 стала местом временной остановки, как для «Редберда»... — он замолчал, смущенный быстрым внимательным взглядом Торнтона.

— Я бы это уже стал называть подгонкой фактов к гипотезам — сказал он. — Это уже создание гипотез на основе своего воображения.

Встал и абсолютно спокойно, что Перри посчитал за вызов себе, почти оскорбление, начал собирать предметные стекла оставленные отосланным отсюда автоматом. Глядя на это, Перри подумал, что никто и никогда так его не раздражал как Торнтон в эту минуту. Произнес:

— Ну хорошо. Жизни здесь нет и никогда не было... — У него была надежда, что повторяя это почти с максимальным упрямством, наконец-то сможет разозлить своего спутника. — Но почему? Именно здесь, на этой планете, она должна была бы появиться. Что могло этому помешать? Ионизирующее излучение? Ты же астробиолог, это же ты должен знать.

Торнтон, не поднимая головы, продолжал собирать стекла, он специально так делал, чтобы только не смотреть в лицо Перри. Наконец ему ответил. Тихо, словно бы стыдился говорить о том, о чем они оба хорошо знали:

— Нет, Перри. Планету защищают радиационные пояса. Ты же об этом знаешь.

Он перестал наводить порядок, присел на край стола, внешне совершенно свободно. Но говорил с заметным усилием:

— И хорошо знаешь о том, что на это твое «почему» никто бы сейчас не смог ответить. Может быть когда-то, когда все наши наблюдения, исследования, замеры, вложенные в аппаратуру «Редберда» будут проанализированы в земных лабораториях целыми коллективами экспертов... А может даже и тогда не будет ответа.

Длительное время оба молчали, а затем Перри спросил, хотя был абсолютно уверен в том, какой ответ он получит на свой вопрос:

— И нет уже никакой надежды, Тор? Что... что мы можем ошибаться?

— Никакой.

Спокойствие Торнтона привело к тому, что Перри почувствовал, что он смешон с этим своим беспокойством, с этой великой мечтой, которой питалось все человечество. Мечтой, которая в который уж раз оказалась неисполнимой. Он очень тихо сказал:

— Следовательно, наше дальнейшее пребывание на ВХ-16 уже не имеет никакого смысла... Ты, наверное, согласен со мной?

— Согласен.

Он все еще сидел неподвижно, но у Перри было впечатление, что он как-будто пошевелился, словно что-то с себя страхивал, что-то окончательно от себя отбрасывал. Добавил:

— Остается нам только собрать аппаратуру установленную на поверхности планеты, проверить результаты замеров и возвращаться.

Перри совершенно машинально поддакнул. Пытаясь не смотреть на спокойное лицо Торнтона, подошел к нему, приостановился возле стола, одной рукой оперся на край стола.

— Все нормально — наконец сказал он. Откашлялся, голос стал звучать почти нормально. — С завтрашнего дня займусь проверкой систем обеспечивающих полет космолета... Сегодня закончу взятие проб внутренних пород грунта с той стороны массива. Будь готов сразу же после ленча, я хочу пораньше выйти. Поедем через перевал; заберу аппараты. — Он еще так с минуту постоял, потом обернулся и, быстрее чем намеревался, пошел к проходу. Положив руку на плоскую кнопку, открывающую проход, резко обернулся, начал говорить то, чего не должен был высказывать:

— Вот еще одна мертвая планета. Я иногда задумываюсь над тем, действительно ли возможно существование высокоорганизованных форм жизни, возможна встреча с разумными существами на каких-либо планетах вообще. Этот так ожидаемый Контакт...

Торнтон даже не вздрогнул и не пошевелился, хотя выглядело так, что тело сжалось и напряглось, как человек или животное сжимается перед прыжком. Он негромко, но удивительно твердо сказал:

— ВХ-16 не единственная планета, с которой мы получили сигналы. А те нам удалось расшифровать. Можно их полностью переложить на язык высшей математики...

— Я знаю, это «послание» из Серпенса... Боже мой, это же даже не наша галактика, это на расстоянии тридцати килопарсеков от Солнца. Девяносто семь тысяч световых лет. От той системы

уже может быть ничего не осталось, а ее звезда давно уже превратилась в сверхновую...

— Да. — Его взрыв эмоции не смог нарушить душевного равновесия Торнтона. — Конечно, ты прав. Но я не имел в виду сигналы с Серпенса. Мы приняли не менее понятные сигналы с Бетельгейзе и с Большого Пса...

— Шестьсот пятьдесят световых лет! От той их цивилизации, если какая-то и существовала, может быть и следов-то не осталось!

— Есть другие планетарные системы.

— Безмолвные. Либо исследованные уже и мертвые. Точно так, как и ВХ-16.

В глазах Торнтона появился твердый блеск.

— Перри, ты устал. Задумайся хотя бы на минуту. То, о чем ты говоришь, касается всего лишь каких-то полутора десятков систем, до которых мы смогли добраться. Делать выводы хотя бы даже и на основе полутора сотен негативных примеров, это еще ничего не значит. А впрочем, не на всех отсутствует жизнь, единственное, это только то, что мы до настоящего времени не нашли разумных существ. Но и это когда-нибудь случится. Ты же, Перри, понимаешь — Контакт возможен. Нужно только время. Время и терпение.

— Время! — Перри сжал кулаки, голос перешел в крик. Говорил, а ведь так хотел помолчать. И не только потому, что любая ссора в их ситуации была бы глупостью. Он стыдился своей вспыльчивости. Он с трудом взял себя в руки и значительно тише сказал:

— Веками человечество вевило в Контакт с иными мыслящими существами, ждало этого Kontakта. Сначала это казалось простым делом. Марс, Венера... Нептун, Трансплутон. Наконец мы достигли этих планет. Узнали, что жизни на них нет. Нашу мечту тогда перенесли еще дальше, за пределы Солнечной Системы. Стали думать, что существ подобных нам, встретим в системах иных звезд. Сначала Толиман... Ты там был, видел эти три планеты погруженные в толщи застывших газов, над которыми проносятся метановые ураганы, летающие по каким-то сумасшедшим орбитам. Точно так же ужасны системы Эридана, Арктура и Стрелы Змея... Все системы планет, которые я встречал до настоящего времени...

— Тебе просто не везло. Есть еще другие.

— Да, знаю, Аркон и его Четвертая в системе тау Кита, и еще II-6 Прочиона, обследованная Торезом и Осборном. Но они обнаружили только лишь совершенно примитивные формы. А что, если разума в космосе нет, во всяком случае нет его там, куда человек

когда-либо смог бы добраться до последней минуты своего существования как биологического вида? Если не поможет здесь никакое развитие земной техники, тогда совсем ничего, потому что этот замысел просто неисполним?

Он замолчал и внимательно посмотрел на Торнтона. Тот сидел неподвижно, молчаливый и непонятный, с красивым неподвижным лицом, в данную минуту не выражающим никаких чувств. Подумал, что в глазах того он просто выглядит смешным. Но не мог остановиться, он хотел, должен был высказать все то, что накопилось в нем за эти три недели, что занимало его мысли в течение многих прошедших лет.

— Я иногда думаю, что Контакт возможен, и в тоже время невозможен потому что нет никаких оснований для взаимопонимания, никакого опыта, которым можно было бы обменяться... Предположим, что разум действительно где-то существует, что эти сигналы, о которых ты говорил, это не ошибка и они не посланы цивилизацией, которая прекратила свое существование тысячи лет назад. Что когда-нибудь будет найден способ либо нами, либо ими посещения одной из своих планет и встретиться там, или встретиться где-нибудь на полпути. И, именно, эта встреча будет совершенно напрасной, потому что окажется, что обе высокоразвитые цивилизации не имеют между собой ничего общего... Так как мы их не понимаем и не замечаем, потому что жизнь на Земле и на какой-нибудь планете приняла совершенно различные формы, потому что не только наука и техника, но все органы чувств, ощущения совершенно различны. И это вполне возможно... А значит мы не только можем пройти мимо них. Мы можем также с ними встретиться и не понять друг друга... И когда я об этом думаю, то вижу, каким безумием было посвятить всю свою жизнь межзвездным полетам, Контакту, возможно несбыточной мечте, бессмысленной идее, во всяком случае до настоящего момента неоправдавшей себя...

Торнтон медленно поднял глаза — холодные и твердые, пронизательно глядящие на дергающееся лицо Перри:

— Ты измотан и нервозен. Поэтому ты и говоришь обо всем том, во что и сам не веришь. Сам себе противоречишь. И, извини, старина, во всем этом бездонная человеческая мегаломания. Потвоему человек должен быть чем-то исключительным явлением, не имеющим аналогов во Вселенной... Ты, правда, выглядишь сильно уставшим. Иди ложись и прими паксил.

Перри неподвижно стоял, бессильно опустив руки вниз вдоль тела, которые у него слегка подрагивали от истощения, причиной которого была его неожиданная вспышка. Он навалился на раму,

сжал кулаки, стараясь скрыть дрожание рук. Начал невыразительно бормотать:

— Не так все просто, как тебе кажется, Тор... Говоришь, мегаломания... Я думаю, что это просто страх. Страх перед одиночеством. Человек тяжело переносит одиночество, поэтому-то его пугает мысль, что все может выглядеть следующим образом: огромная пустота космоса и он — единственная песчинка жизни в ней, потерянный, никому ненужный, навечно предоставленный сам себе... — Сделал шаг в сторону Торнтона, спокойствие и самообладание того вновь его начинало раздражать. Он сейчас был зол на самого себя за всю эту свою болтовню, и часть этой его злости была направлена на молчащего сейчас Торнтона. Произнес:

— Я как вижу, тебя это совершенно не касается. Я удивляюсь, как ты выбирал свою профессию, при таком отношении... Хорошим астробиологом может быть только человек, который увлечен этим делом...

Торнтон не ответил на эту колкость, недвусмысленно направленную в его адрес. Он неподвижно сидел. В Перри бушевала злость, которая росла с каждой минутой, злость неизвестно на кого, то ли на Торнтона, то ли на себя. Прошелся по кабине, остановился в зеленом блеске, бьющем из иллюминатора. Перед ним лежала ВХ-16, мертвая и тихая, в бледно-зеленом освещении — чуждая планета, более чуждая, чем это мог себе представить какой-нибудь житель Земли. «Тысячи таких планет — подумал Перри. — Весь этот огромный космос, звезды, туманности и галактики мертвы и пустынные. Нет, а то бы это было слишком страшно...».

Обернулся, посмотрел на чистый профиль Торнтона. Сказал, не пытаясь скрыть своего раздражения:

— Все в порядке. Заканчивай эту свою работу, которая и так ничего не даст. Выходим через полтора часа.

Торнтон откинул голову назад, он смотрел на него снизу. Сейчас, когда он сидел, его глаза находились ниже уровня глаз Перри. Ничем не смущенный, без тени злости или раздражения, поделовому сказал:

— Перри, ты сильно устал и очень возбужден. Правда, прими паксил перед завтраком. Я бы посоветовал это сделать.

— Советуешь или же рекомендуешь?

— Ладно, скажем, рекомендую. В таком нервном состоянии ты не можешь работать на поверхности планеты...

— Хорошо. Ты же, в конце концов, корабельный врач. — Он дернулся, обиженный и взбешенный. Если Торнтон считает, что это только истерика... Выходя, он хлопнул дверью прохода, однако

стука не слышалось, так как пенолет делал это невозможным. Он не получил даже этого, достаточно сомнительного удовлетворения. Сделав несколько шагов вперед он почувствовал, что вел себя глупо. Он действительно вел себя, как истеричка. Вернулся, вновь встал в проход.

— Извини — сказал он. — Ты прав, я излишне раздражен. Я об этом очень сожалею, Торнтон.

Тот улыбнулся спокойно и незамедлительно. Он никогда не держал обиды, никогда не затаивал злобы, может быть именно поэтому между ними не было более крупных ссор, ненужных столкновений. Он ответил так, словно ничего не случилось, словно он только сейчас должен был ответить на ранее заданный вопрос, касающийся планов сегодняшних работ:

— О'кей, я сейчас туда приду. Думаю, что будет лучше, если Корком буду управлять я. — Правила запрещали управлять вездеходом лицам находящимся под воздействием всихотропных веществ, но Торнтон даже и не намекал на них, он просто предлагал свои услуги, словно и не существовало вовсе никаких правил. — Если, конечно, ты не против.

— Хорошо. Я проверю аппаратуру и приготовлю завтрак.

Он покинул лабораторию, стараясь на этот раз закрыть двери медленно и осторожно, и двинулся вперед по коридору, в сторону каюты. Вынул из небольшого холодильника два завтрака, ввел программу в кухонный аппарат. У него в распоряжении оставалось еще десять минут, он пошел в центральное помещение корабля за паксиллом.

Перри проглотил таблетку, немного постоял на месте, осматривая помещение. Ему торопиться было некуда. Слева под стеной находилась фототелевизионная система. Метры киноплоски медленно опускались на пол, где сворачивались в темные кольца. Подошел, наклонился, взял один из кусков пленки, и, растянув его руками, смотрел на него невидящими глазами. Затем оборванный конец поместил в кропление проектора, нажал на выключатель — замигали лампочки, лента медленно начала двигаться наматываясь на большую круглую бобину. Проектор затарахтел, на экране появился первый, слегка затемненный пейзаж.

Отрегулировал резкость и стал смотреть, стоя неподвижно. На небольшом квадратном экране спокойно чередовались фрагменты пейзажей планеты. Грозные ошетилившиеся острыми краями скалы, навесы базальта, ущелья заполненные до краев темнотой, которая делала невозможным определение их глубины, насыпи, наполовину разрушенных ветром, камней. «Это наверное снимки противоположного склона перевала» — подумал он, всматриваясь

Д. изображение так, словно и не было этих трех недель утомительной работы с подобными снимками таких же диких и мертвых мест этой планеты. На экране теперь была видна широкая пустая равнина, частично заслоняемая на переднем плане как бы сваленных кучами бетонными блоками. Затем эти развалины стали передвигаться в сторону, видимо ракета ведущая фотосъемку стала их облетать, снизив высоту полета, и изображение стало увеличиваться в размерах, как это обычно бывает, когда к снимаемому объекту, приближается объектив. Плоская равнина заняла почти весь экран.

Изображение выровнялось, стало неподвижным, Перри резко наклонился вперед. На гладкой, словно чисто выметенной поверхности, чернел почти идеальный круг выдавленный в литом базальте. След, какой остается после старта космической ракеты на реактивной тяге.

Он зачарованно смотрел, чувствуя, что его сердце начинает неровно биться, трепетать как совершенно чужое тело, не имеющее к нему никакого отношения, словно это была какая-то скользкая рыба, находящаяся у него внутри и движения которой он не мог контролировать. Он с шумом втянул в себя сквозь стиснутые зубы воздух. Он не ощущал течения времени, он едва ли даже мог сказать, сколько уже времени вглядывается в этот снимок, час или всего несколько минут. Изображение слегка вздрогнуло и постепенно начало смещаться к краю экрана. Ракета летела дальше. Перри вытянул руку, рванул переключатель, движение ленты прекратилось, ролики, которые двигали пленку, остановились.

Он жадно хватал ртом воздух, темный круг оплавленного базальта все еще был виден на экране. Он переключил изображение на другой большего размера экран, пальцы рук, покрытых от волнения потом, скользили по переключателям. Сейчас, при таком увеличении изображения, он мог даже различить давно уже застывшие пузыри, разбросанные по всей базальтовой поверхности, стеклянные вкрапления кварца. Первое ошеломление постепенно стало проходить.

Его мысли уже приобрели более конкретную форму, но до полного успокоения ему было далеко, несмотря на то, что принял паксил. Трясущимися руками он включил переносной калькулятор, проверил его соединения с фотометрической системой и ввел закодированную команду в прибор для определения месторасположения обнаруженного объекта. В верхнем углу экрана появилась карта ВХ-16. Красная точка обозначала место, где они сейчас находились, на небольшом расстоянии от нее засияло желтое пятнышко. На табло калькулятора стали появляться цифры. До

места обнаружения круга было всего восемь с половиной километров по прямой линии.

Он тихо, радостно, триумфально засмеялся, одновременно с удивлением обнаруживая, что сквозь смех прорываются звуки рыдания и что на рыдание похоже его тяжелое дыхание. У него неожиданно закружилась голова, он присел на подлокотник кресла. Перед его глазами по-прежнему находился экран с этим кругом, темнеющим на гладкой скалистой поверхности плоскогорья, на котором он бы и произвел посадку, если бы у него было достаточно времени, чтобы спланировать свои дальнейшие действия, если бы его планы не были бы нарушены непредвиденными обстоятельствами во время подхода к планете. Он руками оплел колено, сжал руки так, что побелели суставы на пальцах, прикусил губу и стал неподвижно смотреть на экран.

— Это мог оставить один из зондов, посланных с Земли перед нашим отлетом, или же какой-нибудь большой болид, Перри...

Он быстро обернулся, за его спиной стоял Торнтон. Спокойное равнодушное лицо, глаза, в которых не было ни радости, ни беспокойства, ни ожидания, в которых не было и следов тех чувств, которые захлестнули его самого.

Он вздрогнул, словно был пойман за каким-то постыдным занятием. Посмотрел еще раз на экран. Действительно это было не исключено, даже сам удивился, почему сам об этом не подумал. Возможно, он после недавнего спора был поглощен одной единственной мыслью. И воображение подкинуло ему лишь только одно это решение из трех возможных решений, а он, будучи в таком настроении, принял его за единственно верное. Ответил, стараясь чтобы это прозвучало уверенно, хотя у самого никакой уверенности не было:

— Да, но это мог быть и космический корабль, — и добавил еще тише, так как его спесивость исчезла под упрямым взглядом Торнтон, — астролет с экипажем с какой-нибудь неизвестной системы, который точно так же, как и «Редберд» совершил посадку на этой планете.

Тот не ответил, только перенес взгляд с Перри на экран. Молчал некоторое время, а затем вновь отозвался:

— Это бы объясняло происхождение сигналов. Неизвестная цивилизация, которая с ВХ-16 решила передать послание для Земли... — говорил медленно, четко выделяя слова, и Перри показалось, что в его голосе слышится издевка. Он невольно стал вглядываться в его лицо, но на нем не было и тени насмешки. Все так же равнодушно Торнтон добавил: — Только увеличение количества гипотез нам ничего не дает.

— Да, конечно. Следовательно мы должны это место обследовать.

— Ты прав. Торнтон также сел, он не проявлял никакого энтузиазма, который должен («именно должен») — подумал Перри — был тот проявлять. Наоборот, у Торнтона вообще отсутствовал интерес к этому делу. Это отсутствие энтузиазма просто удивляло, особенно после попыток Торнтона убедить Перри в возможности Контакта. — Что тогда предлагаешь?

— Добраться до того места на вездеходе и все исследовать на месте.

— Ну что ж, давай... — Вновь прозвучали скучные нотки в этом матовом холодном голосе, словно бы он знал, о том, что Перри было неизвестно, что заранее предсказывало неудачу этой поездки. — Хотя мне и кажется все это не слишком логичным... Эта гипотеза, что разумные существа с каких-то далеких систем умышленно выбрали именно эту мертвую планету...

— А может и не умышленно. Какая-нибудь авария, что-то такое, что заставило вдруг изменить курс и совершить посадку. Может быть ВХ-16 для них имеет какую-то ценность, например, им нужен какой-то химический элемент, которого здесь более чем достаточно...

Он замолчал, вновь смущенный внимательным взглядом Торнтона. Тишина в помещении начинала давить, становилась почти невыносимой, пока наконец тот ее не нарушил, поднявшись решительно с кресла, как будто он для себя решил что-то важное, о чем он размышлял в течение короткого времени.

— Порядок. Значит меняем программу сегодняшнего дня — он подошел к дверям, уже стоя в проходе, обернулся: — Я сейчас только заскочу в каюту и проверю состояние вездехода. Если повторимся, то мы успеем вернуться до наступления темноты.

Это поведение было для него обычным. Дискутировал, но с момента принятия решения, он не пытался показать своего нежелания или возражал, исполняя свою часть задания точно и на совесть. Перри знал, что при любых обстоятельствах, он мог на это рассчитывать. Он во второй раз подумал, что если бы ему пришлось выбирать себе спутника для этой экспедиции, то он не смог бы выбрать более лучшего, чем Торнтон.

Они быстро, в глубоком молчании приняли пищу. Переваренная пища была достаточно отвратительной, чтобы о ее вкусовых качествах можно было говорить без иронии, а обсуждать неожиданное открытие они избегали, словно об этом заранее договорились. Сразу же после ленча они надели легкие скафандры и пе-

решили в рабочие помещения. Автоматы поставили Корк перед транспортными шлюзами. Бронированный вездеход стоял освещенный светом ламп, горящих на полную мощность, блестящий, широкий, похожий на металлическую улитку. Открытая крышка бокового отверстия образовывала как бы навес. Перри пропустил Торнтон вперед, видел как тот осторожно, чтобы не зацепиться скафандром за выступающие части кабины вездехода, втискивался в кресло водителя. Кабина была тесной, недостаточный объем пространства ограничивал свободу движений.

Место наблюдателя находилось сразу же за сиденьем водителя. Перри с трудом пролез на это место, уже сидя он видел широкие плечи Торнтон, обтянутые серебристой алюминизированной тканью, которая напоминала средневековые доспехи рыцарей, которые когда-то осматривал в музее. Вездеход, как и все транспортные средства этого типа, имел свою кислородную установку и систему регенерации воздуха внутри вездехода, поэтому они могли там находиться не надевая шлемов. Шея и голова Торнтон казались удивительно беззащитными на фоне металлических креплений скафандра.

— Зажигание — произнес Перри.

— Понял, зажигание.

Торнтон слегка наклонился вперед и вездеход затрясло от вибрации разогреваемого двигателя. Когда рев перешел в глубокое низкое урчание двигателя, работающего на полных оборотах, Перри дал команду:

— Закрыть люк.

— Слушаюсь. Люк.

Стальные рычаги начали сгибаться как лапы огромного насекомого, округлая крышка закрыла отверстие люка с легким шипением. Автомат плотно ее закрыл, красный световой сигнал, обозначающих разгерметизацию, погас, следивший за всем этим Перри, наконец подал третью команду:

— Старт.

Корк начал медленно ползти в сторону шлюзов, сопровождаемый мигающими огнями. Первые двери открылись в момент, когда к ним прикоснулся тупой нос вездехода, который затем въехал в тесное помещение камеры. Двери за ним закрылись, и сразу же перед ними открылся проем во внешней обшивке космолета, в глаза брызнул зеленый свет. Стальная улитка словно бы заколебалась на выходе из шлюза, как-будто была живым организмом, качнулась вперед, и, набирая скорость, съехала по широкому трапу на грунт планеты.

— Северо-восточное направление — доложил Торнтон.

— В норме.

Вначале ехали по плоскогорью, раскинувшемуся вокруг «Редберда» на расстоянии нескольких сот метров. Вездеход шел довольно ровно, иногда слегка покачиваясь, когда колеса наезжали на неровности окружающей территории. На твердой скалистой основе виднелись крутые холмы, похожие на длинные навеянные ветром дюны, какие обычно встречаются в песчаных пустынях на земле. Благодаря этому, широкая гранитная плита выглядела как окаменевшее море, сплав серебра и свинца отполированное рассеянным бледно-зеленым светом. Торнтон тщательно объезжал повсюду встречающиеся здоровенные обломки скал, и центробежная сила, которая образовывалась от крутых поворотов вездехода, придавливала их к высоким подлокотникам кресел. Нсошущаемя, благодаря термозащите вездехода, жара полуденных часов планеты разогревала голую скалу, расплывчатый разряженный воздух от жары слегка колебался. Температура снаружи достигала семидесяти градусов.

— Могло бы быть попрохладней — пробормотал Перри, раздумывая об ожидающем их выходе наружу. При восьмидесяти градусах по Цельсию человек весь истекает потом, несмотря на термоустойчивые слои стекловолокна покрытого тефлоном. — Температура на этой планете не относится к разряду вещей, которые больше всего мне нравятся...

Торнтон молчал, занятый управлением вездехода. Они начали подниматься упорно и настойчиво по крутому склону насыпи, гусеницы со скрежетом цеплялись за крупные камни. Несмотря на специальное крепление кабины, немилосердно трясло, хотя крепления эти и должны были выполнять роль хороших амортизаторов. Перри не удивился молчанию своего товарища, он по собственному опыту знал, что необходимы были огромные усилия, чтобы удержать в руках постоянно вырывающийся руль управления.

Наконец нагромождение булыжников и камней кончилось, и они могли теперь облегченно вздохнуть. Он увидел, как Торнтон поднимает одну руку и верхом перчатки быстро смахивает пот со лба.

— Там за перевалом нас будет еще хуже трясти, — сказал Торнтон, не поворачивая головы. В его словах не слышалось какого-либо нежелания продолжать путь, он просто констатировал факт. — Добрых восемьдесят метров нам придется продираться через такие завалы... да ты их видел на экране.

Вездеход въехал в тень огромной скалы, стал ее объезжать, они потеряли из поля зрения свой космолет. Вокруг Корка теперь возвышались вертикальные стены, они въезжали теперь в широкую горловину ущелья, закрытого с двух сторон скалами. Вид

был красивый. Базальт и гранит, сквозь которые вырывались наружу полосы ослепительно сверкающих минералов, которые то обжигали желтым цветом хризопраза, то поблескивали темно-голубым лазуритом, то ослепляющей открытой жилой кварца, которая рябила в глазах тысячами искр. На фоне зеленоватого неба вырисовывались острые грани скал, которые горели под лучами стоящей в зените звезды. Эта чужая, зловещая красота напоминала Перри те края, где он родился — разлом в районе реки Колорадо на Земле. Там и здесь человек самому себе казался незначительным, потерянным, слишком маленьким по сравнению с этим величием, чтобы мог что-либо значить.

По мере их продвижения вперед ущелье увеличивалось в размерах. Создавалось впечатление, что скальные стены медленно, но неумолимо сближаются друг с другом, словно хотели раздавить между собой маленький земной вездеход. В их тени каньон все больше и больше скрывался во мраке, дороги не видно. Торнтон зажег огни. Клинки молочного света разрезали и оттолкнули в сторону темноту, высвечивая контуры близлежащих камней. Можно уже было заметить, что дно ущелья слепка поднимается вверх.

— Через полчаса доберемся до перевала — сказал Торнтон.

Но оказалось, что значительно раньше, примерно двадцать минут они ехали сквозь темноту. Ущелье неизменно поднималось вверх к высшим граням скал, а затем темнота стала расступаться, пока наконец, яркий дневной свет вновь не залил их. Они добрались до перевала. В нескольких шагах от них начинался спуск.

— Вот и хорошо — облегченно вздохнул Торнтон. Управление вездеходом на подобной местности любого бы измучило. — Идем за аппаратурой.

— Я пойду один. — Перри был уверен, что его товарищу не помешает несколько минут отдыха. — Я сам неплохо справлюсь. Ты потом ко мне подъедешь, когда я уже все закончу.

Не услышав протеста со стороны Торнтона, Перри надел шлем, отстегнул ремни, которые его удерживали в кресле, и стал пробираться к верхнему люку. Небольшой шлюз предотвращал разгерметизацию кабины. Откинулась округлая крышка люка. Из-за длительного пребывания без движения он как-то неловко подтянулся на руках и выбрался наружу.

Несмотря на многочисленные защитные слои его скафандра, адская жара добралась до его тела. Температура внутри скафандра поднялась на несколько градусов, пот начал жечь кожу. Облизав сухие губы, он перекинул ноги через край люка и съехал по округлому боку Корка на твердый грунт. Скафандр был слег-

ка тяжелоат, но не так чтобы это сильно чувствовалось. Здесь гравитация составляла две трети земной, сам скафандр был удобным, прилегающим к телу как кожа, гибкий, незатрудняющий движения.

Он стоял в круглом пятне тени, отбрасываемой приземистым корпусом вездехода, не решаясь как-то покинуть этот маленький оазис относительной прохлады, как вдруг в головных телефонах шлема запищало, щелкнуло и раздался голос Торнтона:

— Все в порядке, Перри?

— Так точно.

— Я не вижу тебя на экране.

— Я еще не отошел от вездехода. Сейчас увидишь меня.

Как только он пересек границу тени, жара сразу же обрушилась на него, но он уже об этом не думал. Шел быстро, сквозь эластичные подошвы ботинок чувствовал твердый, каменистый, металлически позванивающий при каждом твердом шаге, нагретый грунт планеты. Все, что необходимо сделать, он должен выполнить, несмотря на внешние условия, поэтому жалость к самому себе не имела никакого смысла. После нескольких метров он стал тяжело дышать, сильно потел, чувствовал как рубашка прилипла у него к спине, по лицу ручьем тек пот. Он прищурил глаза и посмотрел прямо на огромное солнце ВХ-16. Оно уже не стояло так высоко, как раньше, но жара не уменьшалась. Когда он так смотрел на этот большой светлый диск, который, благодаря неизвестным свойствам атмосферы, казалось светился весь мягким зеленоватым блеском, он не мог поверить, что этот диск является источником такой адской жары.

Он добрался до плоской втиснутой между двух гигантских камней платформы из скальных пород. Десять дней назад здесь установили небольшую исследовательскую станцию: сейсмометры, магнитометры, измерители с холодными катодами, детекторы ионов и корпускулярного излучения. Даже были установлены спектроболометр и коронограф. На Регуле иногда появлялись совершенно фантастические протуберанцы и хромосферические всплески. Оставлять аппаратуру уже не имело никакого смысла. Неизвестное явление, которое делало невозможным контакт с Землей как для них самих, так и для ранее посылаемых сюда зондов и приборов, препятствовало передаче результатов исследований всеми станциями и приборами, которые остались бы после их отлета.

— Я на станции, Тор. Я тебе сообщу, когда надо будет подъехать.

На демонтирование оборудования ушло какое-то время, светло-зеленый диск опустился ниже и жара немного спала. В конце

работы Перри проверял записи, сделанные в течение нескольких последних часов. Сенсаций не было, только сейсмометр зарегистрировал два тектонических толчка. На ВХ-16 это происходило довольно часто. Собирая пленки, подумал, что эту информацию лучше, пожалуй, укрыть от Торнтона. «Не потому, что я его хочу обмануть каким-либо образом — подумал он, остановившись на минуту передохнуть, с пленкой в одной руке и кассетой в другой, и вспомнил то лицо: безразличное, равнодушное, без тени энтузиазма в момент, когда тот смотрел на экран. Просто в этом нет необходимости, чтобы я сообщал о них ему, тем более в этом и опасности никакой нет, нет ничего того, о чем бы он должен был знать. В сущности те два толчка не представляют никакой угрозы...».

Сообщил, что уже закончил, но все еще стоял с этими пленками в руках, пытаясь убедить самого себя в том, о чем он подумал и даже уже начинал в это верить, когда подъехал вездеход. Наконец-то он мог прервать свои размышления и взяться за работу. Собственно ему оставалось сделать немного, несколько мелких операций, погрузка же осуществлялась без помощи человека, вездеход был полностью автоматизирован. Перри уже почти жалел, что Корк создан таким совершенным и его действия совершенны, он бы предпочел иметь несколько больший объем работы для себя.

Он пробовал как-то подавить свое беспокойство, что ему впрочем удалось. Он уже поверил в то, что его решение именно такое, какое и должно быть, и оно окончательно, видимо поверил потому, что очень уж он хотел себя убедить в этом. «Я действительно вообще не должен об этом говорить» — во второй раз подумал он. Потом, глядя, как транспортный люк вездехода плотно закрывается, и Корк плавно разворачивается в сторону перевала, вновь почувствовал радостное волнение от мысли, что через полтора часа они доберутся до плоскогорья, что, наконец, он собственными глазами увидит этот круг, коснется его, будет исследовать. «И может так случиться, что это окажется доказательством того, что Контакт возможен. Даже больше — то, чего мы так долго ожидали, может произойти сейчас. Сейчас и именно здесь».

Пытаясь совладать со своим волнением, по причине которого его руки в тонких серебристых перчатках соскальзывали с поручней небольшой лестницы из полихлорвинила, забрался на крышу Корка, привел в движение автомат люка и втиснулся в шлюз. Пришлось подождать пока не выравнялось давление. Наконец он смог открыть крышку и втиснулся внутрь кабины. Торнтон повернул голову, и они встретились глазами. Перри с облегчением подумал,

что тот не может видеть его лица, закрытого все еще затемненным забралом шлема.

— Все закончил, Перри?

— Да.

Он стоял посреди тесной кабины и начал освобождать шлем от креплений. Он не мог бесконечно торчать в этом костюме здесь, в этом помещении, с нормальным земным воздухом, пропускаемым через кондиционер. Снял шлем, чувствуя себя почти обнаженным, совершенно незащищенным под внимательным взглядом Торнтона. Он старался овладеть своим лицом, на котором отображались все его мысли и чувства, легко читаемые со стороны, старался выглядеть таким же холодным, спокойным и равнодушным как его товарищ. Вероятно ему это удалось сделать, так как Торнтон ничего не заметил.

— Значит, можем двигаться дальше — сказал он.

Перри сделал два шага, остановился сзади его, посмотрел через плечо Торнтона на коленях лежала карта ВХ-16, видимо он ее рассматривал минуту назад. Он вновь склонился над картой, провел по ней пальцем.

— Посмотри... это здесь, Перри. Не больше четырех километров по прямой линии. Но сразу же за перевалом начинается скальная стена, перекрывающая нам дорогу. Мы должны ее объехать, или иначе, сделать почти тридцать километров... — Поднял голову, обернулся и посмотрел на Перри. — Нужно торопиться. Я хотел покончить с этим до вечера. Знаю, что Корт может работать с инфракрасными лучами, но так будет лучше. Этот ветер, который здесь всегда бушует под вечер... Ну и разница в температурах между днем и ночью слишком велика для человеческого организма...

— Сейсмометр зарегистрировал два сильных тектонических толчка в течение последних нескольких часов... — Перри услышал собственный голос, и сильно удивился, что начал об этом говорить. Что он говорит именно то, о чем и не должен был говорить, и все еще пораженный этим событием, добавил: — Они могут повториться. Если ты думаешь, что это представляет какую-нибудь опасность...

Он замолчал, не находя в себе сил, предложить возвращение на «Редберд», это предложение противоречило всяким его желаниям. «Если уж мы должны принять такое решение, то пусть об этом скажет он, а не я» — подумал он. Стоял неподвижно, молча, ожидая этого приговора, все еще пораженный тем, что все это сказал он сам, поставив в зависимость реализацию своих планов от решения Торнтона, которому было все безразлично. Дышал ти-

хо и ровно, вслушиваясь в собственное дыхание. «Я не могу его обмануть — заключил он. — Я не в состоянии о чем-либо умолчать, обмануть его каким-либо способом, хотя этот обман был бы незначительным, малозаметным. — Он сейчас уже дышал чаще, по-прежнему вслушиваясь в свое дыхание, которое стало менее ровным, не делая никаких движений, размышляя: — Может быть подобное случается именно тогда, когда начинаешь доверять другому человеку. Возможно все так оно и есть. Не больше, не меньше. По-видимому этого невозможно избежать».

Он ждал. Сейчас, когда принять решение он предоставил другому, единственное, что он мог в этой ситуации сделать, это не подсказывать тому никакого решения. Он отвернулся. Боялся, что Торнтон может увидеть в его глазах просьбу и только лишь поэтому согласился продолжать выполнять программу. Не видя его лица, лишь только по звучанию голоса понял, что тот улыбается.

— Ну что ж, рискнем. Я не думаю, что нам угрожает непосредственная опасность. Всякое может случиться... но... толчки так часто бывают, то если бы мы должны были ставить в зависимость от них выполнение исследований, то вынуждены были бы вообще отказаться от каких-либо исследований. Тогда мы не смогли бы вообще покидать кабины «Редберда». Я предлагаю не менять наши планы. Конечно, если ты также поддерживаешь мое предложение...

Теперь он посмотрел. Торнтон так же, как и минуту назад сидел над развернутой картой и действительно улыбался, его улыбка была скорее всего многозначительной. Он же неплохо его знал, знал какого решения ждет, каких ожидает слов. Перри, глядя сверху на это так хорошо знакомое лицо, ощутил как его наполняет сердечная теплота к этому человеку, неожиданное, внезапное чувство, которое его в течение многих лет не посещало. Пожалуй с того самого времени, когда стал пилотом межзвездных кораблей. С того момента, когда поступил на службу в Гэлэктик-Нэйви.

* * *

Базальтовый скалистый вал преградил дорогу вездеходу сразу же за перевалом. Он непрерывно тянулся в разные стороны, длина его составляла пятнадцать километров, и чтобы его объехать, требовалось более пяти часов.

Близился зеленоватый удивительнейший вечер планеты. Теряющее свою яркость солнце, постепенно опускалось за горизонт, его лучи, проникающие сквозь разряженный воздух, казались осязаемыми, косые их клинки, металлически поблескивая, упорно били в скалы, окружающие вездеход. Тени принимали цвет синевы, на западе появились полупрозрачные похожие на распушенную вату

серебристые облака, блеск которых был более ослепителен и болезнен для глаз чем тот зелено-золотой мягкий рассеянный свет. Торнтон повернул голову. Глаза у него были налиты кровью. Слишком трудно смотреть на это сверкание, и сказал:

— Наверное мы уже на перевале. Проведи расчеты, проверь их по калькулятору и по карте. Если не ошибаюсь, то скоро мы должны свернуть на юг.

Он ошибался и Перри сообщил ему новый азимут движения. Корк как бы нехотя развернулся. Торнтон вел вездеход по тесному коридору, делающему поворот, ослепительный свет стал передвигаться в сторону, отражаясь в дисках приборов. Кабину начало сильно раскачивать из стороны в сторону, грунт в этих местах был испещрен глубокими рвами и канавами, пришлось сбросить скорость, и теперь вездеход едва-едва полз с упрямством живого существа, поднимаясь на подъемах и опускаясь на спусках. Его монотонное движение вызывало легкую тошноту. Потом вдруг все кончилось. Перед ними был покаты́й каменистый склон, справа и слева высились сплошным массивом скалы.

Из-за завалов камней открылся вид — острый хребет гордо поднимающийся в темнеющее небо с почти вертикальной отвесной стеной, опадающей вниз в двухсотметровую пропасть. Перри в окружающем его пейзаже заметил что-то знакомое. Именно эту крутую обрывистую стену они совсем недавно видели на экране, после чего ведущая съемки ракета оказалась над гладкой, совершенно пустой широкой платформой, поверхность которой была настолько пуста, что казалось, что с ее поверхности какая-то неизвестная могучая сила смела даже небольшие обломки базальта. Он подумал, что тот темный круг находится где-то поблизости.

— Всего каких-то два километра — сказал Торнтон, словно прочитав его мысли. — Самое большее через полчаса мы доберемся, Перри, до этого места.

Перед ними оставалось еще триста метров совершенно чистого склона, по которому они должны были спуститься до нагромождений каменных глыб, отделяющих их от платформы. По склону ехали легко, словно это была бетонная дорога. Торнтон несколько увеличил скорость, вездеход, наконец, перестало сотрясать и бросать из стороны в сторону, двигатель ровно гудел. Именно поэтому они сразу же почувствовали как тряхнуло в первый раз вездеход, как начал колебаться грунт под бронированными колесами их транспортного средства.

Сотрясение было не достаточно сильным, хотя довольно ощутимым. Сначала был стук как будто доносящийся откуда-то из глубин коры планеты, а потом дрожь, пробежавшая по застывшей

магме. Все это произошло в течение двух секунд, но их было достаточно, чтобы несколько каменных блоков, сорванных со своих мест, начало катиться по склону, увлекая за собой лавины щебня. Торнтон нажал на тормоза, и вездеход неподвижно застыл на месте. Они оба в молчании смотрели на несущиеся вниз камни, любящая из этих глыб могла раздавить их вездеход, если бы он оказался на пути одной из них.

Второе сотрясение последовало через минуту после первого. Перри, смотревший в сторону находящейся в нескольких метрах от них скалистой стеллы, вдруг увидел, как чистый и четкий контур хорошо различимый на фоне более светлого неба, начинает размываться, он тут же почувствовал новое сотрясение базальтовой поверхности. Грунт покрылся трещинами и качался, твердая базальтовая скорлупа вспучивалась во многих местах, была подвижной и беспокойной, как пленка на поверхности кипящего молока. Огромные обломки скал, сталкиваясь между собой, все с большей и большей скоростью неслись по склону вниз. Все происходящее на их глазах сопровождалось пугающей тишиной, из-за звукоизоляции корпуса вездехода ни один шум не проникал внутрь кабины.

Одна из вертикально возносящихся перед ними скал начала разрушаться и осыпаться, словно гранит резали невидимым ножом. Она разваливалась у них на глазах, обломки скалы падали на склон, на котором они находились, создавалось впечатление, что скала, весь склон двигаются в сторону Корка, прямо на них. Поднимающая густую пыль лавина камней неслась вниз, ее фронт неумолимо приближался к ним.

(Продолжение следует)

СОДЕРЖАНИЕ

Габриэля Гурска «Контакт» Часть I 3

**ЧАСТЬ СРЕДСТВ ОТ ИЗДАНИЯ ВЫПУСКА ПОСТУПАЕТ
В ФОНД МИЛОСЕРДИЯ И ЗДОРОВЬЯ**

ТАКАЯ РАЗНАЯ ФАНТАСТИКА

© Составление и оформление ДТС «Помощь»

Переводчик **Молосников В. А.,**

Художники **Коробейников В., Карамышев А..**

Составитель **Васин Г. А.,**

Ответственный за выпуск **Молосников В. А.**

Цена 2 руб.